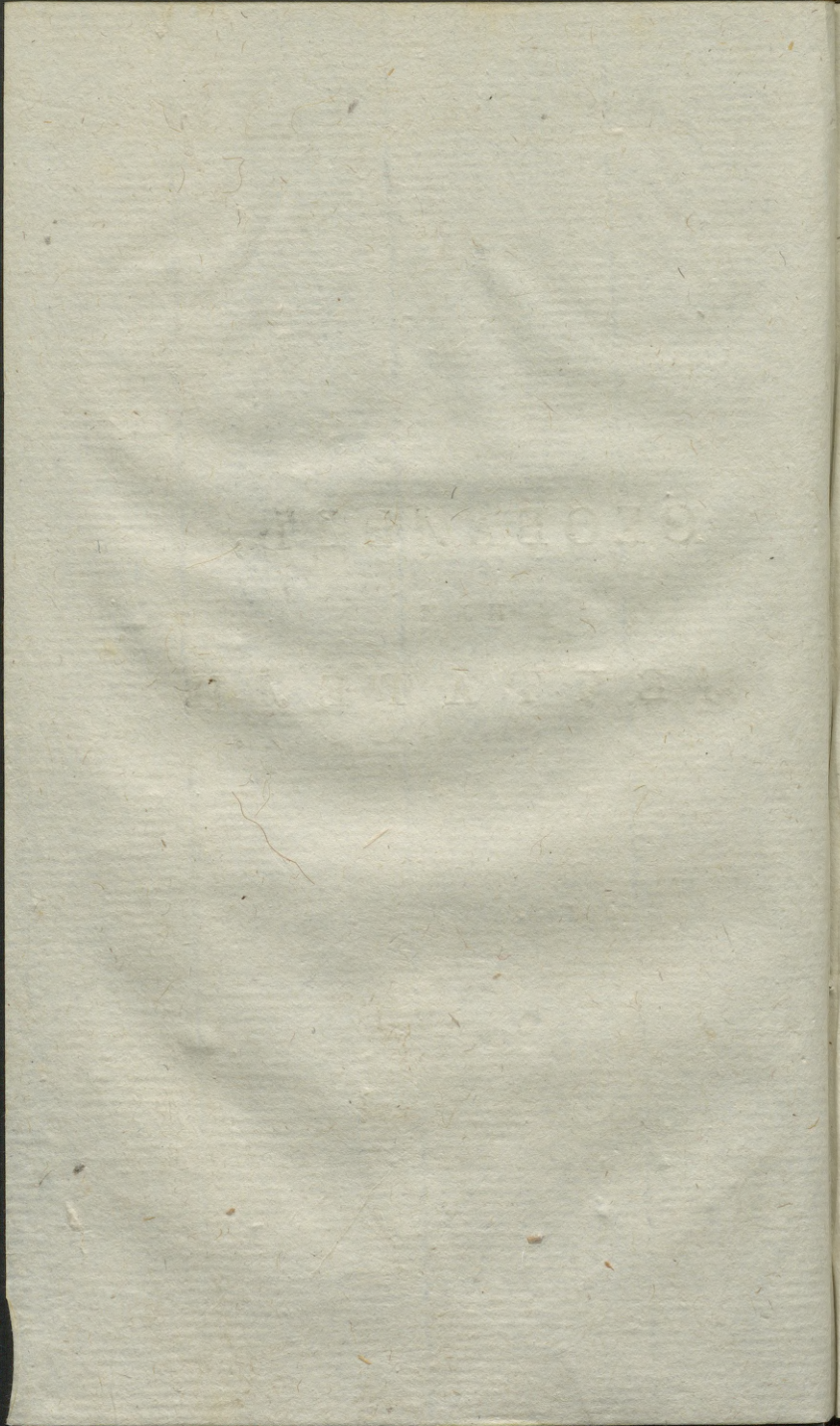

ӨЕОБАЛЪДЪ,

ИЛИ

МЕЧТАТЕЛИ.

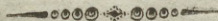

ӨЕОБАЛЪДЪ,
ИЛИ
МЕЧТАТЕЛИ,
ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ,

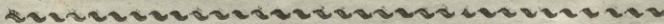
Георига Штиллинга.

По срединѣ дороги иди всего безопаснѣе.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1819.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Минисперсива просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 12го дня 1819 года. *Экстраординарный Профессоръ Николай Векеловъ.*

Изданіе Коммиссіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева.

ОЕОБАЛЬДЪ,
ИЛИ
МЕЧТАТЕЛИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Дихшену лежишь за тридцать миль отъ Поршгейма. Добрый нашъ Докшоръ, прѣхавъ въ сію землю, нашель шамъ совсѣмъ другихъ людей и совсѣмъ различный образъ жизни; спрана сія была подлинно райская: обиташели ея просвѣщенные дюдѣи и ни мало не приспрасшны къ Піешизму; напрошивъ того просполюдины держались только однихъ наружныхъ обрядовъ, а знашны были или безпечны вольнодумцы, или испинныя Деисты. Оеобальдъ вновь почитался здѣсь Піешистомъ, не по тому, что онъ перемѣнилъ свои правила и образъ жизни, но за тѣмъ, что и средняя спезя, которую указали ему долговременныя опыты, казались шущъ Піешизмомъ.

Но домашнее его состояніе здѣсь было сношибе: онъ получалъ порядочное содержаніе.

ніе, и сверхъ того пріобрѣтала довольно пракшикою, шакъ, чшо могъ жить спокойно. И для Сусанны здѣшняя жизнь была пріятнѣе, хотя она со дня на день болѣе ослабѣвала. Дѣти ихъ были шакже немощнаго сложенія и въ продолженіе шрехъ лѣтъ скончались. Сусанна ошъ шого снѣдалась печалію, шакъ чшо нечувствительнo впала въ чахотку.

Въ сіе же самое время Феобальдъ познакомился съ двумя лицами совсѣмъ инаго рода, и познакомился такимъ образомъ, чшо сіе могло ввергнушь его въ великое нещасіе.

Товарищъ его по врачебной наукѣ, жившій прежде его въ Лихтенау, желалъ заняшь мѣсто, Феобальду предложенное; но по спранному характеру признанъ онъ неспособнымъ къ столь важной должносши. Онъ впрочемъ былъ не безъ ума и не безъ дарованій, и сколь охотно иногда игралъ ролю шуца, столь же искусно умѣлъ и мспитъ, когда былъ обиженъ; имѣлъ онъ шакже при Дворѣ мощныхъ друзей, съ которыми вмѣстѣ учился и которыми служилъ шпиономъ. Надобно замѣшитъ, чшо Дворъ былъ Каполическаго, а подданные разнаго исповѣданія; Феобальдъ, какъ извѣстно, былъ Протестантъ; Докторъ Безевитцъ Каполикъ. Безевитцъ предпринялъ лишитъ мѣста Феобальда, чего бы шо ему ни

споило. Чшобы лучше исполнить свое намѣ-
реніе, обходился съ нимъ весьма дружествен-
но; гдѣ только могъ, оказываль ему услуги,
и спарался предварить въ Оеобальдѣ всякое
на него подозрѣніе. Сей послѣдній однакожъ
быль крайне съ нимъ оспорожень, бывъ пре-
жде о томъ предувѣдомлень.

Въ то самое время жилъ въ Лихтенау
Французъ, преподававшій уроки Французскаго
языка, но по разнымъ причинамъ весьма не-
доспапочный. Онъ слыль Протешпантомъ,
но въ самой вещи быль Натуралистъ; всѣми
силами рвался выскочить и опличиться; упо-
требляль къ тому всѣ пронырства; впрочемъ
быль съ способностями, съ познаніями, въ
прямомъ смыслѣ человекъ просвѣщенный.

Въ воскресный день послѣ обѣда было со-
браніе въ одномъ изъ значнѣйшихъ домовъ
города; Оеобальдъ, Безевитцъ и учитель Дю-
кальдъ тамъ же находились. Всякъ дѣлаль,
что хотѣль: играли, говорили, злословили,
шупили, цили, и проч. Оеобальдъ по возмож-
ности убѣгалъ такихъ обществъ; бываль од-
накожъ въ нихъ изрѣдка, чшобы спраннымъ
не показаться: обшояшельство, которое для
него шѣмъ было важнѣе, что молва уже огла-
сила его Піетисмомъ, и онъ, давъ поводъ къ
распространенію сего мнѣнія, опняль бы шѣмъ

у себя способъ служить Богу и людямъ въ своемъ званіи.

Дюкальдъ былъ совершенный Французъ, т. е. злый насмѣшникъ надъ всѣми, о комъ думалъ, что описиши ему не въ состояніи. Язвительнымъ и громкимъ голосомъ здѣсь онъ сказалъ: Мнѣ кажется, что Г-нь Докшоръ Теобальдъ печется болѣе о исцѣленіи душъ, нежели шѣла больныхъ своихъ.

Теобальдъ посмопрѣлъ на него, не говоря ни слова; но Безевипецъ, какъ бы хотѣвъ подслужиться, оцѣвспивовалъ: Полно, Г-нь Дюкальдъ; это ничуть не смѣшно, а напротивъ того весьма похвально: уврачевашъ душу гораздо важнѣе, нежели излѣчиши шѣло; а впрочемъ не лзя сказать, чтобы товарищъ мой упускалъ чтонибудь въ лѣченіи больныхъ своихъ.

Дюкальдъ. Я совсѣмъ не шучу и не смѣюсь надъ Г-мъ Докшоромъ. Напрошивъ, всякъ долженъ признасться, что Г-нь Теобальдъ человекъ весьма набожный и благочестивый.

Теобальдъ при семъ вспыхнулъ; вспалъ, подошелъ къ училелю и говорилъ: Знаете ли вы правила хорошаго общесства? — Мы здѣсь оба госсти; вы первый опселъ выйдете. При сихъ словахъ онъ подалъ ему шляпу

и прости и вывелъ его за дверь; попомъ и самъ вышелъ. Человѣка два пошли въ слѣдъ за ними, опасаясь, чѣобы дѣло между ними не кончилось поединкомъ, хотя у Теообальда и въ мысли сего не было. Онъ спокойно возвратился домой; учивель послѣдовалъ его же примѣру. Все общество оправдало Теообальда, хотя онъ конечно слишкомъ разгорячился, выведши изъ дому Г. Дюкальда; онъ долженъ бы былъ предоставить сіе на волю хозяина. Но мало ли что въ жару дѣлаешь? За что все это дорого ему и стоило.

Дюкальдъ кипѣлъ злостію и мщеніемъ, и какъ скоро Безевитцъ возвратился въ домъ свой, онъ пошелъ къ нему, и оба начали ломать себѣ головы, какъ бы сполкнушь Теообальда съ его мѣста, и чрезъ что самое Безевитцу вступишь въ его званіе, а Дюкальду шакже никого не имѣшь на дорогѣ.

Надобно человѣку однажды впасшь въ подозрѣніе; не перестанушь бросать въ него камни. Жизнь Теообальдова была всѣмъ извѣстна, и споль любопытныя приключенія его были у всякаго на языкѣ, по тому самому всѣ его дѣйствія, самыя даже невинныя, приписывались Пиешизму, или по крайней мѣрѣ послѣдствіемъ онаго. Мнѣніе сіе послужило основаніемъ и того адскаго плана, копо-

рый составили противъ него Безевипцъ и Дюкальдъ.

Чтобы удобнѣе поймать его въ сѣти, они старались прежде всего вкрасься въ него и приобрѣсть его довѣренность, оказывая ему всевозможное доброхотство. Сія личина, они думали, обольститъ его такъ, что онъ не будетъ имѣть съ ними никакой оспорожности; вообще они почитали его не дальновиднымъ, простымъ и даже глупымъ. Согласясь такимъ образомъ, Безевипцъ началъ посѣщать Феобальда гораздо чаще, совѣщивался съ нимъ о многихъ больныхъ, во многихъ случаяхъ давалъ и ему добрые совѣты, словомъ, наконецъ увѣрилъ Феобальда, что онъ другъ ему искренній. Сей послѣдній, не взирая на то, былъ весьма оспороженъ, говорилъ ему всегда только то, что могъ бы сказать предъ всѣми.

Дюкальдъ съ другой спороны игралъ искусно свою ролю; онъ былъ еще хитрѣе. Сначала совсѣмъ не ходилъ къ Феобальду; но при первомъ случаѣ, послѣ сего приключенія, вспрѣвшись нечаянно съ нимъ въ обществѣ, убѣдительноше извинялся предъ нимъ въ оказанномъ ему оскорбленіи, и коварство свое простиеръ даже до того, что описывалъ самыми живыми красками угрызеніе совѣсти

за то, что дерзнулъ обратиться въ шутку Религію. Феобальдъ и съ нимъ былъ не менѣе оспорожень: о Религіи не говорилъ съ нимъ ни слова. Съ сей стороны такимъ образомъ ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ заманить его въ сѣти; но не переставали посѣщать его и не упускали ни на одно мгновеніе изъ виду своего намѣренія.

Наконецъ случай самъ собою предсѣвился. Въ Лихтенау было нѣсколько дѣвицъ и женщинъ, которыя хотя и не были почитаемы мечшашельницами, но по тому, что иногда въ воскресные дни послѣ обѣда собирались и разговаривали вмѣстѣ о томъ, что поущу слышали въ церкви, а иногда сверхъ того и назидательныя книги читали, по тому только слыли Пиетистками, а сего уже и довольно было, чтобы ихъ ненавидѣть: до того дошла Христіанская Религія. Въ обществахъ можно говорить о всемъ на свѣтѣ; можно толпами сходитьсь гдѣ и куда угодно, можно позволять себѣ все неисповсѣва: не возгласить о нихъ пѣшель. Но какъ скоро въ обществѣ спанешь кпо говоришь между собою о средствахъ ко взаимному исправленію сердца, коль скоро кпо слово скажешь о Религіи; нѣтъ конца пересудамъ и воплямъ; и всякъ думаешь, что все основа-

нія общественнаго благосостоянія отъ того завпра же поколеблются. Подлинно спранно; и явленіе сіе казалось бы невѣроятнымъ, естли бы всѣдневные опыты его не оправдывали.

Все сіе сочиненіе впрочемъ есть весьма ясное свидѣтельство шой истины, сколь многія неудобства возникаютъ изъ особенныхъ собраній, имѣющихъ цѣлю Религію; всѣ ужасныя приключенія, мною описанныя, были послѣдствіемъ шаковыхъ сонмищъ. Сначала обыкновенно при семъ люди имѣють благія намѣренія; но вскорѣ непримѣнно вкрадывается мечшательство, и все оканчивается гибелію къ несправедливому предосужденію Религіи. Не уже ли однакоже нѣтъ шумъ пуши средняго? Не уже ли не должно ни ѣсть, ни пить, попому, что объяденіе и пиянство влекутъ за собою болѣзни?

Добродѣтельныя и благочестивыя оныя женщины, не смотря на то, что не возможно было ни въ чемъ упрекнуть ихъ, ненавидимы были, какъ послѣдовательницы Піешистовъ, за то только, что онѣ, какъ выше сказано, вмѣстѣ собирались и вели себя скрытно и уединенно прочихъ. Одна изъ нихъ нѣкогда пришла къ Теообальду поговорить съ нимъ о своемъ здоровьѣ, и какъ онъ на ту

пору былъ заняшь, то между тѣмъ Сусанна съ нею разговаривала, и видя, что она благо- разумно рассуждала о Религіи, полюбила ее. Дѣвушка сія послѣ пригласила Сусанну на ве- черь къ себѣ въ садъ, и она приняла ее пред- ложеніе, на которое и Теообальдъ согласился.

Въ одинъ прекрасный день послѣ обѣда Сусанна сдержала свое слово, пошла къ той дѣвушкѣ въ садъ, а подъ вечеръ и Теообальдъ, прогуливаясь, туда же зашелъ, чтобы вмѣ- стѣ съ женою домой возвратиться. Пришед- ши въ бесѣдку, нашелъ онъ тамъ вмѣстѣ пять женщинъ; на столѣ предъ ними лежала Биб- лія, Священныя пѣсни и другія назидатель- ныя книги, и шупъ же стояли разные плоды и закуски. Сусаннѣ въ семь кругу было весь- ма пріятно; но мужъ ея, при первомъ на все сіе взглядѣ, изумился, зная лучше ея опа- сность подобныхъ обществъ. Присѣлъ онъ од- накожъ и собесѣдницамъ говорилъ слѣдующее:

Позвольте мнѣ, любезныя собесѣдницы! сказать вамъ слово, которое вамъ можетъ быть въ пользу, а у меня на совѣсти. Вы часто собираетесь для взаимнаго назиданія; оставьте сіи собранія, я молю васъ о томъ: они по истинѣ приносятъ болѣе вреда, не-жели пользы. Прямое Хрисціанство состоитъ въ дѣятельности, въ дѣлахъ любви ко ближ-

нему, въ смиреніи, въ спрахѣ Божіемъ, а не
 въ бесѣдахъ и не въ благочеспивыхъ чувствованіяхъ. Возразите вы мнѣ, что взаимное общеспивенное назиданіе есть превосходное средство ко укрѣпленію себя въ вѣрѣ и въ добрыхъ дѣлахъ; я отвѣтствую: средство, съ одной спороны и полезное, но съ другой сполько же, или еще и болѣе, вредное, по шому самому уже не можетъ бытъ дозволено. Какъ же подобныя собранія сами по себѣ гораздо менѣ полезны, нежели какъ шо предспивляется; ибо во первыхъ не всякое по виду шому благочеспивое чувство благое, и я изъ многихъ опытовъ знаю, что такія общеспива гораздо болѣе причиняли вреда, нежели пользы; во вторыхъ всегда почши въ умы шакихъ добрыхъ людей вкрадывается духъ оплученія себя отъ общей манеры Церкви, шакъ что и они и ихъ послѣдователи считающъ себя лучше другихъ, что и одно есть уже мерзость; въ третьихъ, какъ симъ самымъ опшlichemъ отъ прочихъ мы обращаемъ на себя особенное вниманіе, и не рѣдко воспспиваемъ другихъ противъ Хреспиванства: шо по всѣмъ симъ причинамъ шакое собраніе я считаю совсѣмъ несовмѣспивными. Читай, молись, пой каждой про себя впайнѣ пошомъ; свѣши каждый своимъ свѣшомъ, дѣлами, предъ че-

ловѣками по всей мѣрѣ своихъ силъ ; пользуясь припомъ каждый общими средствами назиданія и просвѣщенія, предлагаемыми Церковію ко всенародному употребленію: всякъ, поступающая такимъ образомъ , будешь поступать несравненно благоразумнѣе. Сказавъ сіе , Тео-бальдъ взялъ жену свою за руку и ушелъ.

На слѣдующій день весь городъ говорилъ о Теобальдѣ и о женѣ его ; изъ дому въ домъ переходила молва , что онъ въ саду проповѣдовалъ ; приложены къ сему еще разныя сказки , нелѣпости , кои не споятъ и взгляда , кои однакожь обрапили вниманіе городскаго начальства , у коего Теобальдъ и безъ того уже былъ въ подозрѣніи.

Сіе происшествіе огорчило его и жену его ; вся оспорожностъ ни къ чему имъ не послужила ; и онъ съ той же минушы почувствовалъ ущербъ въ доходахъ. По цѣлымъ часамъ онъ и жена его , сидя вмѣстѣ , оплакивали свой жребій ; никакое оправданіе отъ нихъ не принималось : ибо Безевипць и Дюкальдъ всѣми средствами старались представлять все съ самой худой стороны , и никогда всего не досказывали ; не забыли они также описать сей случай и правительству самыи черными красками.

Опъ сихъ двухъ злодѣевъ разлилась вся злая молва. Ибо какъ они непрестанно ходили слѣдомъ за Оеобальдомъ; но непримѣнно прокрались за нимъ же и въ садъ, стояли скрытно за бесѣдкою и слышали всѣ его рѣчи.

Добрые люди у Герцога скоро справили дѣло: Оеобальдъ вовсе опъ службы опсшавленъ. Подъ рукою получилъ опъ о помъ временно извѣстіе, и оно было бы для него громовымъ ударомъ, еспли бы спарый, великодушный другъ его Бозиусъ и здѣсь не подалъ ему помощи. Чипашели удивяпся, какъ это случилось, между пѣмъ, какъ они были другъ опъ друга въ опдаленности. Но сего - шо и не было. Бозиусъ, подъ кровомъ Промысла, былъ опредѣленъ Суперъ - Инпенденшомъ, и жилъ въ Фельзенштейнѣ. Какъ скоро опъ услышалъ, что Оеобальдъ лишенъ мѣста (Оеобальдъ самъ между пѣмъ описалъ ему все, какъ было), попчасъ поѣхалъ къ нему въ Лихтенау, и прибылъ прежде гонца, съ опсшавкою шуда опсшавленнаго; ушѣшилъ и успокоилъ его совершенно, увѣрилъ, что имѣеть для него въ виду превосходное мѣсто по возложенному на него опъ Князя Т . . . порученію найши для него Медика. Оеобальдъ пошому не сѣшовалъ на свою учасъ и вновь нишался надеждою.

Между шѣмъ часъ Сусаннинъ ударилъ : она опошла ко опцамъ своимъ. Она была всегда добрая, благочеспивая, умная женщина ; всегда спраспно любила своего мужа , и много за него поспрадала. Онъ взаимно въ любви къ ней не зналъ мѣры. Оба они долго шерпѣли гореспнныя слѣдствія бракосочешанія , основаннаго на фанатизмѣ , учились мудроспи въ школѣ скорбей. Сусанна воспріяла въ вѣчноспи мзду свою , а Феобальдъ , какъ испышанный воинъ , оставленъ еще на землѣ служить великому Подвигоположнику.

Я не имѣю намѣренія предспавляшь примѣры благочеспивыхъ больныхъ умирающихъ ; иначе я могъ бы сказашь многое о Сусаннѣ на смерпномъ одрѣ. Ограничусь нѣсколькими словами. Послѣ шрехъ - мѣсячной болѣзни она скончалась , какъ испинная Христіянка. Легко можно себѣ предспавишь , сколь глубокою горесптію кончина ея поразила Феобальда. Онъ опяшь былъ одинъ во всемъ мѣрѣ , но за то былъ свободнѣе и безпрепятствешвенно могъ слѣдовашь вожденію Промысла. Тогда онъ былъ увѣренъ , что будетъ Лейб-Медикомъ Князя Т . . . , и все къ тому было устроено. Но ему предлежалъ совсѣмъ иной цушь , какъ по въ послѣдствіи опкроешся.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Оеобальдъ уединенно однажды сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, оплакивая свою Сусанну и изъ глубины души моля Бога о ушѣшеніи: въ сіе самое время входилъ къ нему нѣкто незнакомый. Осанка сего госпя сдѣлала надъ нимъ сильное впечатлѣніе. Г-нъ Докшоръ! говорилъ ему сей незнакомый: все, что случилось съ вами съ юныхъ лѣтъ, мнѣ извѣстно, и кажется мнѣ, что вы нынѣ почто въ томъ положеніи, въ коемъ можете быть способны къ великимъ дѣламъ; а искушенія и опыты, копорые вы проходили, подающъ мнѣ надежду, что вы нашли щасливый средній путь между невѣріемъ и суевѣріемъ, и впредь ни на шу, ни на другую сторону не соврашитесь.

Споль свободный языкъ челоуѣка, коего онъ никогда въ жизни не видывалъ, удивилъ его, и сердце его при семъ не было хладно; но онъ скрылъ свое чувство и отвѣчалъ: Я не имѣю чести знать васъ, и удивляюсь, какъ нравъ мой можетъ быть вамъ извѣстенъ. Незнакомый усмѣхнулся и продолжалъ: Не съпуйше на мою ошкровенную смѣлость; я на-

дѣлюсь, что вы сами скоро признаете нѣкоторое мое на то право. Я хочу сослѣдовать выше счастье, если вы счастьемъ почитаете великій кругъ дѣятельности, случай добро творить, а съ тѣмъ вмѣстѣ имѣть и безбѣдное содержаніе.

Слова сіи обрадовали Теобальда; онъ воздержалъ однакожъ свое удовольствіе и оповѣщивалъ: Предметы, вами мнѣ представляемые, издавна были единою цѣлію всѣхъ моихъ желаній; но никогда не имѣлъ я возможности достигнуть сей цѣли. „Я это знаю; но нынѣ сія возможность вамъ дается, когда только вы будете на то согласны.“ — Я долженъ предвѣстить васъ, что я не однократно вступалъ въ разныя общества, пользу коихъ готовъ былъ запечатлѣть своею кровію; но конецъ никогда не оправдывалъ начала.

„Дѣло теперь идетъ не объ обществахъ. Вопросъ: рѣшились ли вы возложить на себя весьма благое, общепользное званіе, а тѣмъ доставить и самому себѣ честный кусокъ хлѣба?“

Это для меня было бы счастье.

„Позволили ли вы мнѣ спросить васъ о нѣкоторыхъ предметахъ, и скажете ли вы мнѣ откровенно свой образъ мыслей?“

Весьма охотно.

„Скажете, въ чемъ состоить на землѣ опредѣленіе человѣка?“

Опредѣленіе его есть прославленіе Творца своего.

„Какъ и чѣмъ Творецъ прославляется? Вы не изъясняетесь съ надлежащею точностію.“

Исполненіемъ Его заповѣдей.

„Можете ли вы сказать мнѣ въ двухъ словахъ содержаніе всѣхъ заповѣдей Божіихъ?“

Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя.

„Это мы читаемъ и въ Капехизисѣ. Что значить любить Бога паче всего? Обыкновенный отвѣтъ меня не удовлетворяетъ.“

Бога любить паче всего значить, исполняясь всѣхъ Его заповѣди, не пресупать ни единой, чего бы то намъ ни стоило, и такимъ образомъ исполняя все повелѣнное, предзрѣть всегда предъ собою честь, освященіе и прославленіе Его имени, а не собственную честь, пользу и славу.

„Прекрасно! и весьма справедливо!“

Всѣ заповѣди Божіи имѣють цѣлю блаженство тварей, а особливо человѣка; и всякое содѣйсствіе ко благу рода человѣческаго есть заповѣдь Божія; добро творить людямъ

значить любить ихъ, а шворить добро изъ повиновенія Богу, какъ бы исполняя шѣмъ долгъ своего служенія, значить любить Бога. Эшо есть по моему мнѣнію опредѣленіе чело- вѣка; но къ сему присовокупляется еще обя- занность самаго себя болѣе и болѣе усовершен- вать и разумѣ, дабы посредствомъ шого имѣть способы приносить другимъ болѣе и болѣе пользы.

„Вы опвѣчали въ духѣ Религіи и испи- ны, и мы моглибъ симъ ограничиться; но напишите мнѣ сіи опвѣщанія на бумагѣ. Не удивляйтесь; вы можете сіе сдѣлать безъ опасенія.“

Феобальдъ пребывалъ въ изумленіи, не предвидя, чѣмъ все сіе кончится: шо льстить себя надеждою, шо волнуемъ былъ страхомъ; рѣшился однакожь быть оспорожнымъ. Каза- лось ему, что образъ мыслей его объ опредѣле- ніи челоуѣка не могъ причинить ему никакого вреда, и по шому обѣщаль исполнить требу- емое. Незнакомый спросилъ его: скоро ли бу- муга его будетъ готова? Феобальдъ хотѣлъ написать ее къ вечеру. Хорошо! опвѣчалъ не- знакомый, я на эшо надѣюсь, и не имѣя време- ни здѣсь долѣе медлить, проснулся и ушелъ.

Феобальдъ оспался одинъ, и сколько ни ломалъ себѣ голову, все шопъ же мракъ ви-

дѣлъ передь собою. Самъ на себя досадовалъ, для чего не спросилъ своего госпя, кто онъ и гдѣ оспановился. Все предспавлялось ему сновидѣніемъ. Время между шѣмъ проходило; надлежало опвѣчашь на вопросъ; труда ему эшо не многого стоило, но все нужно было спокойствіе.

Написавъ опвѣшъ, подь вечеръ въ глубокой задумчивоспи онъ вышелъ за вороша подышашь свѣжимъ воздухомъ, и скоро встрѣпиль своего незнакомаго съ другимъ, шакже ему неизвѣспнымъ человѣкомъ, копорый хошя не по плашью, но по осанкѣ показался ему опличнымъ и значущимъ.

Ееобальдъ удивлялся, и вмѣстѣ радовался, надѣясь вскорѣ увидѣшъ развязку загадки. Незнакомый обошелся съ нимъ весьма дружественно, спросилъ, написалъ ли онъ опвѣшъ свой, и получивъ его, прочелъ поварищу. Сей послѣдній изъявилъ шакже свое удовольствіе; но впрочемъ велъ себя шакъ, какъ бы Ееобальда шамъ совсѣмъ и не было.

Докшоръ началъ ихъ разспрашивашь; но не могъ узнать ни гдѣ они жили, ни кто они. Незнакомый, напередъ опгадывая, что сей шайнштвенный посшупокъ долженъ успрашпшь Ееобальда, взялъ его за руку и говориль: Г-нъ Докшоръ! вы опспорожны, и се-

вершено въ томъ правы; вы не должны принимашь на себя никакой обязанности, прежде нежели вы увидите настоящую цѣну и вѣсь ея во всемъ пространствѣ, но и тогда вы все еще въ выборѣ свободны. При сихъ словахъ вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ червонцами, и отдавъ ему оный, сказалъ: Употребите сіи деньги, какъ признаете лучше по вашему собственному усмотрѣнію; завтра послѣ обѣда я приду къ вамъ, и вы откровенно мнѣ скажете, что съ ними сдѣлали.

Оеобальдъ удивился; и почиая съ перваго взгляда подаркомъ сіе предложеніе, не рѣшался принять его. Пошомъ остановился онъ на мысли самаго незнакомаго, взялъ кошелекъ и опивѣчалъ: Хорошо! посмотрю, что могу съ сими деньгами сдѣлать. Примѣшивъ, что незнакомые хотѣли быть одни, онъ съ ними разстался.

Оеобальдъ долго ходилъ уединенно, въ такой задумчивости, что не видѣлъ, куда шель, и подлинно съ трудомъ наконецъ примѣшилъ, гдѣ онъ. Всѣ размышленія его, что за люди его незнакомые, были безплодны. Съ одной спороны порученіе необыкновеннаго спранника было для него весьма пріятно, — онъ восхищался отъ всего сердца; съ другой спороны шайнственность его была ему подозри-

шельна; онъ рѣшился бытъ весьма осмощельнымъ и не ступитъ ни шагу, о кошоромъ бы послѣ могъ сѣшоватъ. Прежде всего считала онъ обязанностію употребитъ сколь можно лучше врученныя ему деньги.

По долгомъ размышленіи рѣшился онъ на слѣдующую мысль: Не задолго предъ шѣмъ въ Лихтенау умеръ ремесленникъ, оставивъ вдову и шестерыхъ дѣтей безъ куска хлѣба. Продолжительная болѣзнь вовлекла его въ долги, за кошорые взято было даже все то, на чемъ онъ работалъ, хотя старшій сынъ, выученный по муже ремеслу, могъ бы продолжать его, кормитъ мать, братьевъ и сестеръ своихъ, а мало по малу и долги уплачиватъ. Теообальдъ думалъ, что ввѣренныя ему деньги не могутъ бытъ употреблены лучше, какъ на искупленіе и въ помощь бѣдной вдовы, пошелъ пошчасъ къ заимодавцу, у коего по счастью все еще въ цѣлоспи лежало; безъ пруда съ нимъ условился и возвратилъ ему деньги его. Заимодавецъ хотѣлъ еще припомъ нѣчто и выигратъ; но Теообальдъ усовѣспилъ его, шакъ, что онъ наконецъ опшстунилъ отъ своего шребованія. На опшальные деньги купилъ онъ нѣкошорое количество шерспи, и пошомъ съ радостію спѣшилъ къ бѣдной вдовѣ. Мнѣ подарено,

говориль онъ ей, неизвѣстнымъ нѣсколько денегъ; я выкупиль спанъ вашъ и купиль шерспи: пошли взяшь и шо и другое. Не лзя описать веселія бѣдной вдовы! Такое удовольствіе знаетъ шолько искушенный. Она рыдала, хошѣла пасъ въ ноги къ Θεобальду; но онъ скоро скрылся. Благодари, сказалъ онъ ей, Опца небеснаго; моего шущъ нѣтъ ничего: я здѣсь шолько вѣрный слуга, кошорому господинъ ввѣрилъ милоспыню для раздачи бѣднымъ. Такимъ образомъ весьма многимъ спасено цѣлое семейство.

Θеобальдъ самъ былъ доволенъ симъ благимъ дѣломъ, и съ нешерпѣніемъ ожидалъ времени, чшобы опдашь опчешъ незнакомому. На слѣдующій день послѣ обѣда онъ возвратился къ нему. Θεобальдъ разсказалъ ему, на чшо онъ упошребилъ его деньги; незнакомый бросился къ нему на шею, говоря: Ты не могъ сдѣлать изъ нихъ лучшаго упошребленія! Потомъ сообщилъ ему слѣдующее: „Есть общество, по всей Европѣ и можно сказашь по всему міру разсѣянное, кошорое поставило себѣ священнымъ закономъ спремиться къ высочайшей степени совершенства, какое шокмо сродно человѣку. Я принадлежу къ сему обществу, а незнакомый, коего шы видѣлъ со мною, есть одинъ изъ нашихъ

начальниковъ. Мы стараемся собирать людей съ добрыми качесствами и съ дарованіями; и тебя по тому приглашаемъ въ наше общество. Ты намъ, а мы тебѣ будемъ полезны.“

Тутъ только добродушному Теобальду свѣтъ показался. Онъ улыбнулся и отвѣчалъ: Я предугадываю, о чемъ дѣло идешь; но позволешь ли мнѣ сдѣлать вамъ нѣкошорыя возраженія?

„Какія угодно.“

Сколько повсюду общество, ложь и соблазна, гдѣ людямъ умнымъ великая цѣль обыкновенно предпоспавляется; но когда разсмотришь все со вниманіемъ, увидишь, что все ограничивается одними пустыми обрядами, препровожденіемъ времени, кукольною игрою. И мастера и сотрудники ничего не знаютъ и ничего не дѣлаютъ. Вышшіе начальники по видимому обладаютъ какими-то таинствами, низшіе все съ нихъ списываютъ, а между тѣмъ ни разумъ, ни сердце ничего при себѣ не выигрываютъ; деньги же отъ того и отъ другаго спекаются на употребленіе, для человѣчества даже постыдное. Я знаю грѣхъ сей за споль знаменитыми обществами, и пошому объ нихъ не высокаго мнѣнія.

„Ты правъ; но не въ одномъ эпомъ полько несчастіе. Даже невѣрующіе вольнодумцы, люди, у коихъ свобода всегда на языкѣ, но кои подь симъ именемъ разумѣють единое необузданное своеволие, соединяются подь личиною добра на пагубу многихъ.“

Довольно слышалъ я и о семъ злоупотребленіи, но не вѣрилъ ему, почипзая всѣ сіи слухи клеветною.

„Нѣшь, эпо не клеветша, но сущая правда, и подобныя собрашсшва въ нѣкопрыхъ мѣстахъ обрѣнили на себя даже вниманіе Правительства. Сужденія по дѣйствіямъ лицъ о всѣхъ, не рѣдко неизвѣстныхъ соотношеніяхъ, возлагають обыкновенно всю вину на самый духъ обществъ, вину, на однихъ недостойныхъ сочленовъ проспирающуюся. Но общество наше не имѣеть никакой иной цѣли, какъ полько шу, чшобы содѣлаться добродѣтельнѣйшимъ челоѣкомъ, усовершишь по крайней возможности свой разумъ и пѣмъ самымъ пріобрѣсь вѣщшую способность служить Богу и людямъ: сія послѣдняя цѣль есть собшвенно главная.“

Но еспшли сія послѣдняя цѣль есть по-длинно главная, шо къ чему всѣ сіи шайны? Эпо есть существенная обязанность каждаго Хрисшіянина.

, На сіе скажу я тебѣ весьма ясное разрѣшеніе. Опытъ доказываетъ, что когда многіе люди совокупляютъ свои силы во едино для достиженія той или другой цѣли, достигаютъ они ее несравненно скорѣе и совершеннѣе, нежели идучи каждой особою дорогою; и чѣмъ такое общество многочисленнѣе, тѣмъ лучше.“

Справедливо; но къ чему сокровенныя тайны, къ чему гіероглифы, къ чему наконецъ клятва?

„Я и сіе объясню тебѣ, сколько нынѣ могу; во всемъ проширанствѣ все опкроется тебѣ въ послѣдствіи. Есть истины, служащія ключемъ къ важнѣйшимъ опкровеніямъ; но сіи истины безъ предварительныхъ и постепенныхъ понятій не могутъ быть постигаемы. Если бы они преданы были явно во всенародное извѣстіе; то большая часть людей не обратила бы на нихъ и вниманія.“

Все сіе я понимаю, и установленіе сіе въ такомъ отношеніи считаю благоразумнымъ; но весьма удивляюсь, какъ тайнства сіи доселѣ не опкрыты, между тѣмъ, какъ споль многіе люди вышли изъ обществъ, и кажется почти невозможнымъ, чтобы тотъ или другой какъ нибудь не измѣнилъ обѣщанной тайнѣ.

„Можешъ ли кто сказать то, чего самъ не знаетъ?“

Конечно нѣтъ; но изъ того слѣдуешь, что общество сіе и тайнство не имѣешь.

„Эпо не слѣдуешь. Никто не прошекаетъ сихъ тайнствъ иначе, какъ по долговременномъ испытаніи и упражненіи; а прешедшій искушенія не многоглаголивъ, и шаковый не оставитъ общества.“

Весьма сіе мнѣ трудно разумѣть, признаюсь я; но при всемъ томъ ничего не понимаю.

„Весьма естественно; еспьли бы ты все сіе понималъ, то не было бы сіе для тебя и тайнствомъ. Я однакоже не могу говорить вразумительнѣе; инья общества по тому-то самому имѣють и гіероглифы.“

Остаеся мнѣ узнать, для чего пребуеся въ обществѣ семъ споль торжественная клятва, между шѣмъ какъ тайнство и безъ того по словамъ швоимъ не можетъ быть обнаружено? И пошому мнѣ все кажется весьма опаснымъ вступаши въ споль тайнственное и споль важное общество безъ яснаго удосповѣренія, не скрывающа ли подъ предлогомъ усовершенствованія ума и сердца, благошворительности и иныхъ по видимому превосходныхъ дѣяній, начинаемыхъ впрочемъ и съ

добрымъ намѣреніемъ, не скрывающа ли предметы Религіи, Государственнымъ поспановленіямъ, а слѣдовапельно и первымъ обязанностямъ челоѡвка прошивные и по шому самому уже пагубные.

„Опасашься сего можешь шолько шомъ, кто не знаетъ испинныхъ учрежденій общешва, и при вступленіи въ оное шакъ усумнишья прошипельно. Но и на сіе дамъ я шебѣ ясныи опшвѣль. Правила общешва шребующъ признавашь Хрисята Искупишелемъ міра, а Библию Божимъ опкровеніемъ людамъ. И шакъ, коль скоро членъ общешва примѣшпшь какое-либо предпріашпше сомнишельное, или несогласное съ пользою: онъ швободенъ опъ кляшвы, коеи главное условіе состоишпшь въ шомъ, чшобы ничего не дѣлашпшь прошивъ собшвеннаго убѣжденія совѣшпи.“

По эштому каждый можешь выйши изъ общешва вашего?

„Безъ всякаго препяшешвія.“

На сешь основаніи я согласенъ шопчасъ бышпшь приняшпшь.

Послѣ сего и многихъ другихъ разговоровъ о сешь предметѣ незнакомый пригласилъ Феобальда къ себѣ ужинашпшь. Здѣсь онъ еще короче познакомилса и съ нимъ и съ его шоварищемъ. Сей послѣдній былъ Графъ С..., а

первый, неизвѣстный, Баронъ Ц... Прежде всего они возлсжили на Теобальда въ продолженіи прехъ недѣль привести въ порядокъ всѣ дѣла его въ Лихшену, приготовившись въ путь и послѣ отправишься въ К... Баронъ общалъ къ нему возвратишься для доставленія ему нужныхъ денегъ и наставленій. На другой день они оба уѣхали, оставивъ Теобальда въ спраннымъ недоумѣніи.

Бозіусъ не одинъ разъ во многихъ подобныхъ обещояшельстввахъ давалъ Теобальду совѣты и помощь; онъ по тому счелъ обязанностію не спущить и здѣсь ни единого шага, не испросивъ совѣта у сего стараго друга. Онъ подробно и обстоятельно описалъ все приключеніе съ незнакомыми, и скоро получилъ отъ Бозіуса совершенное согласіе. Тутъ только равнымъ образомъ узналъ онъ, что и сей другъ его давно находился въ томъ же обществѣ. Сія новая вѣсть совершенно успокоила Теобальда.

Мимоходомъ не излишнимъ я почипаю упомянуть, что ни Безевипць, ни Дюкальдъ сверженіемъ Теобальда не достигли своей цѣли: первый не только не получилъ его мѣста, но всѣми былъ ненавидимъ и потерялъ всю практику; послѣдній за долги заимодавцами къ расчету попребованъ; все у него

было описано и продано съ публичнаго шорта: почпи нагой онъ принужденъ былъ удалиться изъ Лихшену и ходишь по міру.

Между тѣмъ Теообальдъ вшайнѣ приго-
повлялся въ пущь; спустиа при недѣли, незна-
комый по обѣщанію возвратился къ нему съ
деньгами и съ наставленіемъ, что ему дѣ-
лать. Оба вмѣстѣ отправились; но на пущи
скоро разспались: Баронъ поѣхалъ въ Ф., а
Теообальдъ съ письмами въ К. . . .

Съ сего времени исторія Теообальдова по-
крыша шайною, и я не имѣю испочника, оп-
колѣ могъ бы почерпашъ дальнѣйшія о немъ
свѣдѣнія. Я по шому ограничусь описаніемъ
шого, что съ нимъ явно послѣдовало; но и
сіи происшесствія довольно важны сколько для
наставленія и предосторожности, сполько
же и для прославленія пущей Промысла.

Въ К. . . . онъ по порядку, оставивъ свое
званіе врача, обратился къ Философіи и къ
другимъ принадлежащимъ къ сей наукѣ зна-
ніямъ, кои вообще были ему болѣе по вкусу
и по сердцу: планъ будущей его жизни пре-
бовалъ опъ него сей жершвы, хошя впрочемъ
и въ званіи врача онъ могъ бы бышь полезенъ.

Не успѣлъ онъ пріѣхашъ шуда, Князь
Б. . . . принялъ его къ себѣ наставникомъ
для Наслѣднаго Принца, коего онъ долженъ

былъ учить Философіи. Князь имѣлъ припомѣніе ближе съ нимъ ознакомишься, что-бы въ послѣдствіи употребить его къ важнѣйшимъ дѣламъ, бывъ самъ вообще по уму и по сердцу превосходнымъ человѣкомъ.

Оеобальдъ съ радостію принялъ сіе предложеніе учить Наслѣднаго Принца, и учить Философіи казалось ему такою доброю нивою, которая со временемъ долженствовала принести споричный плодъ. Принцу было 12 лѣтъ; мысли только еще начинали въ немъ развиваться. Мать его была также благочестивая и умная женщина, и наставнику ни въ чемъ, что могло служить къ воспитанію сына ея, не препятствовала. Товарищи Оеобальдовы въ семъ важномъ званіи были Г-нъ Шенеманъ, молодой, весьма ученый Богословъ, обучавшій Принца древнимъ языкамъ и Богословіи; Г-нъ Шамбронъ, учитель Французскаго и Испаліянскаго языковъ; Г-нъ Ламбертъ, преподававшій Чистую и Смѣшенную Математику, и учившій равнымъ образомъ рисованію и вообще изящнымъ художествамъ: всѣ четверо были достойные люди; Тайный Совѣтникъ Лершпейнъ, въ званіи Оберъ-Гофмейстера, имѣлъ главный надзоръ за воспитаніемъ.

Когда Оеобальдъ пріѣхалъ въ Р. . . , сподлицу Князя В. . . , и совсѣмъ учредилъ жизнь

свое, Князь, призвавъ его къ себѣ, говорилъ ему: Г-нъ Оеобальдъ! въ воспитаніи моего сына я болѣе всѣхъ на тебя возлагаю надежду; ты прошелъ многіе опыты, и исторія твоя мнѣ извѣстна. Я примѣшилъ, что добрый Шенеманъ самъ сомнѣвается въ Религіи, самъ борется съ сими сомнѣніями; а прочіе два учителя, боюсь я, не совершенные ли деисты. Съ Лершпейномъ я говорилъ о семъ опкровенно; онъ мыслилъ на сей счетъ согласно со мною. По всему сему я весьма желалъ сыну своему дать такого наставника въ Философіи, которъй, имѣя самъ твердыя начала, могъ бы и воспитанника утвердить въ нихъ и напередъ оградить его отъ всѣхъ сомнѣній.

Трудъ не легкій, Ваша Свѣтлость! отвѣчалъ Оеобальдъ; но я надѣюсь успѣшь въ немъ: я упошреблю всѣ свои силы, чтобы исполнишь ваше желаніе.

Посомъ онъ всшунилъ въ свою должность; нашелъ въ Принцѣ острый разумъ и много любопытства: это его обрадовало, и онъ ласкался надеждою сдѣлать изъ него достойнаго челоуѣка. Воспитаніе учреждено было весьма благоразумно: всякую недѣлю два раза всѣ чешыре учителя въ назначенное время собирались, и подъ предѣдательствомъ Оберъ-

Готфрейстера совѣщавались о томъ, что и какъ преподавать ихъ воспитаннику; согласясь въ своихъ предположеніяхъ, они всегда сшарались распорядить уроки такимъ образомъ, чтобы они имѣли взаимное соотношеніе и взаимно служили къ изъясненію преподаваемого ученія.

Въ первомъ такомъ засѣданіи Теобальдъ представилъ планъ, по которому онъ хотѣлъ преподавать Философію; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: Баумгаршенову Философію, обыкновенную сей науки систему, опложивъ на нѣкоторое время, онъ принялъ за первое основаніе Натуральную Исторію и Физику; но и нуть онъ шелъ совсѣмъ инымъ путемъ, а необыкновеннымъ: сшарался опытами и изслѣдованіями раскрывать и изъяснять первыя дѣйствующія силы вещей; ибо ясныя понятія объ оныхъ силахъ вездѣ не только показываютъ свѣтъ въ устройеніи вселенной, предметы темныя представляя въ видѣ свѣтломъ, но руководствуютъ и къ познанію самаго Творца. По мѣрѣ того, какъ понятія возвращаются, можно приступить къ Логикѣ, и частными примѣрами, коими Физика спользуется, дѣлать все вразумительнымъ. Разумъ, такъ наставляемый, скоро и вѣрно идетъ по стезѣ неложнаго просвѣщенія, и

Логика даєть ему доброе и полезное направ-
леніе. Наконецъ Метифизика симъ общимъ
понятіямъ даєть каждому свое имя, устро-
яєть ихъ въ памяти, приводитъ ихъ въ по-
рядокъ въ воображеніи.

Практическую Философію Сеобальдъ пре-
подавалъ слѣдующимъ образомъ: посредствомъ
понятій о первоначальныхъ силахъ, открыва-
ющихся въ природѣ, онъ старался восхо-
дитъ къ Творцу, изъяснять свойства Его,
въ натурѣ являющіяся, и все подшверждалъ
примѣрами и опытами. Руководствомъ при
семъ служила ему Исторія рода человѣческа-
го, и краеугольнымъ камнемъ сего ученія былъ
Ветхий Заветъ. Съ нимъ соединялъ онъ Ис-
торію прочихъ народовъ, показуя пути, ко-
ими промыслъ Божій искони руководствовалъ
людей къ просвѣщенію и къ познанію исти-
ны, показуя вмѣстѣ препятствія и противу-
борство чловѣка сему вожденію, и наконецъ
явленіе Искупителя на землѣ, Который при-
шелъ въ міръ подати роду человѣческому ру-
ку помощи во всѣхъ его нуждахъ и скорбяхъ
ученіемъ, жизнію, смертію и проч.

Сіе самое пролагало ему путь къ раз-
смошрѣнію натуры человѣческой, изъ копо-
рой онъ извлекалъ частныя и общественыя
обязанности, относилъ ихъ болѣе всего къ

народоправителямъ, и присовокуплялъ къ сему ученіе о средствахъ къ благоденствію, или нравственности. Наконецъ онъ все собиралъ, шакъ сказавъ, во едино, представляя начала народоправленія и государственнаго хозяйства, и объясняя, что сіи науки совершаются на самомъ дѣлѣ все то, чему учить Пракпическая Философія.

Оберъ-Гофмейстеръ, равно какъ и товарищи Оеобальдовы, совершенно одобрили его систему. Сіи послѣдніе должны были, каждой по своей части, ему способствовать. Самъ Князь былъ весьма доволенъ симъ планомъ воспитанія, и радовался, что вѣрилъ своего сына споль достойнымъ людямъ.

Сколь ни рѣдко можно встрѣпишь истинную дружбу между учеными; но здѣсь чешыре насавника были подлинно друзья искренніе. Ни одинъ изъ нихъ не былъ водимъ пусшымъ честолюбіемъ, и ни одинъ не спарался подняться на развалинахъ другаго.

Мало по малу Оеобальдъ примѣпилъ, что Князь въ своемъ сужденіи о трехъ его товарищахъ не ошибся. Шенеманъ постепенно открылъ Оеобальду свое сердце, примѣшивъ, что онъ другъ надежный, и что можно во всемъ на него положиться. Оеобальдъ радовался сей довѣренности, и пред-

принялъ твердое намѣреніе испощить всѣ способы къ просвѣщенію сего добраго чело-
вѣка, любившаго истину и перзавшагося со-
мнѣніями. Однажды онъ пригласилъ его къ
себѣ послѣ обѣда, и предложилъ ему раз-
говоръ о истинахъ Христіанской Религіи.
Шенеманъ увѣрялъ, что никакая бесѣда не
могла бытъ ему пріятнѣе, съ тѣмъ однако
же, естли она основательно будетъ продол-
жаться, и естли, не перебѣгая отъ одного
къ другому предмету, каждое предложеніе
будетъ подкрѣпляемо доказательствами.

Весь сей важный разговоръ я нашелъ въ
дневныхъ запискахъ Шеобальдовыхъ, и не зная
ничего, что бы споль дѣйствительно могло
служить къ успокоенію и удостовѣренію, я
помѣщу его здѣсь отъ слова до слова, пред-
полагая навѣрное, что не одному сомнѣваю-
щемуся онъ будетъ въ пользу.

Шеобальдъ. Предположимъ и рассмотримъ
прежде всего слѣдующее предложеніе: Естли
Исторія Христова и Апостоловъ Его,
такъ какъ она предана намъ въ Новомъ За-
вѣтѣ, истинна; то и Религія Христіанская,
соотвѣтствующая во всемъ духу Новаго За-
вѣта, естъ также Религія истинная, къ спа-
сенію нашему необходимая. Разбери со всею

точностію сіе предложеніе, дабы убѣдился совершенно въ истинѣ оного.

Шенеманъ. Если Исторія Иисусова истинна; если Онъ больныхъ исцѣлялъ всемогущимъ своимъ словомъ; мертвыхъ воскрешалъ, и самъ возсталъ опъ мертвыхъ и проч.; если Апостолы Его все по подлинно совершали, что намъ о нихъ повѣснвуется: то и ученіе Иисусово и Апостольское должно также быть истинно, подтвержденное столь великими знаменіями и чудесами, особенно, когда нравоченія Христіанской Религіи не лзя не признашь изящнѣйшимъ, и въ немъ самомъ собственно заключается уже великое доказательство его истинны. Какъ же ученіе Иисусово и Апостольское составляетъ всю Религію Христіанскую, то если ли Исторія Новаго Заѣша истинна, и Религія Христіанская истинна. Въ семъ я совершенно увѣренъ.

Сеобальдъ. Слѣдственно все зависитъ опъ доказательства, подлинно ли въ полной мѣрѣ истинна Исторія Иисусова и Апостольская, такъ какъ она предана намъ въ Новомъ Заѣшѣ, то есть, что въ ней ничто не увеличено, не сказано ни слова неправильнаго, но все сообщенное намъ запечатлено печатію спржайшей справедливости.

Шенеманъ. Это есть главное всему основаніе, и сей-то истины доказательство кажется мнѣ сомнительнымъ. Все, что я о семъ ни читалъ и ни слышалъ, не могло удовлетворить меня.

Теобальдъ. Я надѣюсь представить тебѣ о семъ несомнѣнное доказательство; здѣсь вольнодумцы предлагаютъ при только предмета :

1. Или Евангелисты всю сію исторію вымыслили :

2. Или исторія Иисова и Апостольская повѣстію чудесныхъ дѣяній прикрашена для большаго блеска.

Наконецъ присовокупить можно,

3. Или все то, что они намъ передали, безъ исключенія истинно.

Шенеманъ. Точно такъ! Первое предположеніе не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія: никто еще не сомнѣвался въ бытіи Иисуса Христа и Апостоловъ Его; но второе, второе!

Теобальдъ. Второе предположеніе конечно самое важное. Но я прошу тебя размыслишь о немъ спокойно со мною; мы постараемся объяснить его съ любовію къ истинѣ.

Здѣсь предполагаешь дерзающе :

3 e. Или Евангелисты съ намѣреніемъ, самопроизвольно выдумали чудеса и воскресеніе Іисуса Христа, и въ семь случаевъ сами знали, что повѣсщивали небывающее къ обольщенію міра.

2 e. Или они сами были обманушы, и безъ надлежащаго вниманія мнили видѣшь чудеса шамъ, гдѣ ихъ не было; или же наконецъ они были обольщены повѣсщями другихъ, увлечены общею молвою.

Шенеланъ. Справедливо! шо или другое шупъ должно бышь, иначе не лъзя сомнѣваться. Первому предположенію самъ я не даю вѣры; Апостолы были слишкомъ благочестивы, и пошому не могли разсѣвать подобныя выдумки; во второе весьма вѣрояшно.

Сеобальдъ. По испинѣ шаковымъ оно кажешся. Но чтобы не оставишь никакого узла, я пошараюсь объяснить и первое предположеніе; ибо многіе и въ немъ сомнѣваются. Новый Завѣшь писанъ или прежде разоренія Іерусалима, или послѣ сего происшествія. Ешьли онъ писанъ послѣ, шо со стороны Евангелистовъ и Апостоловъ было совершенно неосмотрительно, што они не описали равнымъ образомъ и разрушенія своихъ враговъ Іудеевъ, не показали, съ какою точностію исполнились предсказыванія о нихъ Іисусовы.

Но на всѣхъ листахъ Евангелія, Дѣяній Апостольскихъ и Посланій видно, что сочинители писали ихъ въ то самое время, въ которое дѣла оныя происходили; все въ нихъ согласно съ исчисленіемъ лѣтъ, и Лука Евангелистъ продолжаетъ Исторію Апостоловъ только до пришествія Павла въ Римъ. Если бы всѣ сіи дѣянія писаны были послѣ разоренія Іерусалима, тогда безъ сомнѣнія и дальнѣйшія приключенія сего Апостола были бы описаны. Въ Посланіяхъ Апостольскихъ вездѣ говорится объ Іудеяхъ, какъ о народѣ еще сущесвующемъ и имѣющемъ свои жертвоприношенія, свое богослуженіе. Кто можетъ вообразить, чѣлобы все сіе было вымышленно послѣ разоренія Іерусалима? Въ семъ случаѣ полагаешь можно, что сей вымыселъ былъ бы полнѣе, а другія обстоятельство были бы выпущены.

Я могу поному основательно утверждать, что Евангеліе, Дѣянія и Посланія Апостольскія были писаны до разоренія Іудейскаго Государства, и въ то самое время, которое въ нихъ означается. Впрочемъ положимъ, что всѣ сіи книги писаны были послѣ паденія Іудеевъ; все вновь ограничивается сими тремя уваженіями:

1 е. Или вся сія Испорія выдумана, чего однако же никшо не приємлешъ ; или

2 е. Выдумана она съ намѣреніемъ.

3 е. Или же безъ всякаго намѣренія.

Такимъ образомъ изслѣдованіе наше обра- щается единственно на второе предположеніе.

Шенеманъ. Точно такъ ! Но я не вижу, для чего ты хочешь доказывать, что писатели Евангелія и прочихъ книгъ Новаго Завета писали ихъ прежде разоренія Іерусалима ; о семъ конечно весьма немногіе сомнѣваются.

Особальдъ. Для того, чтобы шѣмъ самымъ предваришь всякое прекословіе. Ибо можно еще сказать, что Апостолы писали единственно по слухамъ, и писали вымыслы съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, такъ, что хотя сами и вѣрили тому, что писали, но не имѣли о томъ математическаго удостовѣренія, не видѣвъ ничего собственными глазами.

Шенеманъ. Это и подлинно справедливо.

Особальдъ. Подумай однакоже, любезный другъ ! писали они, не смотря на сіе, такъ, какъ очевидцы, пошому они должны ствовали бытъ явными прельспшителями ?

Шенеманъ. Послѣдствіе сіе весьма естественное ; и должно вѣришь, что Апостолы жили во времена Іисусовы, сами видѣли дѣла

Его, сами слышали Его учение: ибо съ намѣреніемъ они не могли обманывасть.

Обобальдъ. На чемъ же ты основываешь сіе мнѣніе?

Шенеманъ. Весь Новыи Завѣшь сіе доказываешь. Всѣ повѣсти въ немъ ознаменованы благороднѣйшими черпами, чистѣйшею простотою, искренностію, правотою, невинностію; ничто неувеличено; Апостолы съ опкровенностію предають намъ свои заблужденія и обольстительныя надежды свои о Христѣ; ни гдѣ собственная корысть ихъ не прокрадывается; они участь высочайшей нравственности, какая только можешь бышь сообщаемъ человѣку. И наконецъ, возможно ли дѣло Распятаго, несбѣщающее никакой земной выгоды, напрошивъ того гонимое и съ яростію преслѣдуемое, поношеніемъ и ругательствомъ сопровождаемое, возможно ли защищать среди всѣхъ лютейшихъ мученій и запечалѣвать его даже позорнѣйшею смертію? Одно сіе общошельство изгоняешь изъ ума все сомнѣніе.

Обобальдъ. Прекрасно! Но чтобы и здѣсь не оставишь никакого прошивурѣчія, я предложу еще одно возраженіе: не могли ли искусные люди въ позднѣйшія времена подкрасить вымыслами все истинное Апостолами?

Шенеманъ. И это возможное предположеніе! Но сказанное побою доселѣ опровергается шупь всякое сомнѣніе. Евангелисты повѣствуютъ дѣянія Хрисповы шолько до вознесенія Его на небо; ешлы бы они писали за 100 лѣтъ послѣ, шо вѣрно многое было бы еще прибавлено; особенно въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ; и наконецъ Апостолы упомянули бы о разрушенїи Іудейскаго Царства, какъ о весьма важномъ происшествїи, кошорымъ они могли подтвердить многія свои сказанїя. Ешлы же бы все сіе было выдумано; шо совсѣмъ бы иначе намъ было и предано.

Феобальдъ. Все сіе совершенно справедливо, и умъ, чуждый предубѣжденїи, уснокойваешъ. И сіе самое уже въ полной мѣрѣ доказываешъ, что Евангелисты съ намѣренїемъ и самопроизвольно не писали ничего небывалаго. Ибо какой благоразумный человекъ, уча нравственности, шоль возвышенной, безъ малѣйшаго приязнанїа на честь и богатство, ожидающїи мзды шолько по смерти, изберешъ основанїемъ, главнымъ подвигомъ всѣхъ своихъ дѣянїи и приговоромъ судьбы своей повѣспи вымышленныя, изберешъ для шого, что бы преносилъ вѣчныя прерѣканїя, спраданїа и мученическую кончину? Но мы доспигаемъ главнаго прошивурѣчїа, на

опроверженіи коего все основывается, источника, изъ коего изливаются всѣ почти сомнѣнія, то есть: были ли Евангелисты сами обмануты и нещастельно наблюдали видѣнное и слышанное; или можетъ быть они повѣрили слухамъ, повѣсямъ другихъ, и обольщены молвою?

Шенеманъ. Признаюсь, что сіе предположеніе стоило мнѣ неоднократно много скорби душевной, и я не могу разрѣшить его. Ибо, естли я подумаю, сколь суевѣры привязаны къ своему образу мыслей, сколь твердо еще и нынѣ просполудины вѣряютъ чародѣйству и привидѣніямъ; то го испинѣ опасаюсь, не прельщались ли и Апостолы на счетъ чудесъ, ими намъ преданныхъ?

Геобальдъ. Сей предметъ заслуживаетъ особаго вниманія; и мы должны быть весьма оспорожны въ разсмотрѣніи онаго. Предположимъ цѣлю нашего изслѣдованія воскресеніе Христово: ибо, естли сію истину докажемъ, тогда шѣмъ самымъ будемъ уже у самой почти цѣли.

Шенеманъ. Не почти, а совершенно тогда ее достигнемъ.

Геобальдъ. Положимъ: просподушные, неученые, необразованные люди пришли бы нынѣ изъ Констанцинополя въ Германію, и

начали бы проповѣдовать изящѣйшую нрав-
ственность; сами бы они были добродѣтель-
ны и въ поведеніи неукоризненны, и припомъ
бы увѣряли, что ученіе оное пріяли опъ нѣ-
когого весьма благочеспиваго мужа въ Кон-
стантинополь, за ученіе свое невинно по-
спрадавшаго, въ шрешій день же смерши вос-
кресшаго, и чрезъ 40 дней предъ глазами
всѣхъ на небо вознесшагося; положимъ далѣе,
что они спасеніе рода человѣческаго будущъ
основывашъ на вѣрѣ въ ихъ проповѣдь и на
соблюденіи заповѣдей, онымъ мужемъ пред-
писанныхъ: какъ ты думаешь, вняли ли бы
другіе сказаніямъ сихъ просполоудиновъ?

Шенеманъ. Едва ли; напрошивъ того они
были бы осмѣяны, изгнаны.

Геобальдъ. Какимъ же образомъ Апостолы
творили безчисленныя обращенія?

Шенеманъ. Всѣ народы въ шѣ времена
были еще весьма преклонны къ суевѣрью, ко
всему, что имѣло видъ чудесности.

Геобальдъ. Но когда вѣра въ ихъ ученіе
вознаграждалась обыкновенно великими и же-
стокими гоненіями, лишеніемъ собственности,
самой жизни; какъ послѣ сего люди и суевѣр-
нѣйшіе могли принимашъ шаковую Религію?

Шенеманъ. Мы имѣемъ довольно примѣ-
ровъ, что люди, защищая свое суевѣріе, сами
охотно предавали себя на мученія.

Феобальдъ. Но защищали они суевѣріе, такъ сказать, врожденное, опъ нѣжныхъ ногшей въ нихъ вкоренившееся, наслѣдствен- ное; покажи мнѣ примѣръ, чшобы кто нибудь произвольно подвергся гоненіямъ, спраданіямъ, смерти за истину новую, безъ внушрренняго въ ней убѣжденія.

Шенеланъ. Но сіе самое не можетъ ли бытъ сказано о Японцахъ?

Феобальдъ. Японцы мучимы были за то, что приняли Христіанскую вѣру; и мученія сіи однакоже никого изъ нихъ не принудили опложиться опъ Христіанства. Ничто не можетъ бытъ разительнѣе того явленія, что все сосѣды страны Іудейской, когда Апосто- лы къ нимъ приходили и благовѣстили имъ Евангеліе, совопрошали проходящихъ, куп- цовъ, всеми способами старались удостовѣ- риться въ справедливости исторіи Іисусовой! Опышь, на познаніи сердца человѣческаго ос- нованный, научаешь, что нигдѣ великое множество людей не принимало Религіи, не обѣщающей никакихъ земныхъ выгодъ, но напротивъ того преслѣдуемой, пребующей оптверженія всехъ богатствъ міра, самыхъ тягостныхъ пожертвованій, еспли бы шупь не было сильныхъ причинъ, склоня- ющихъ сердце и умъ къ пріятію оной Религіи.

И сіи столь могущественныя причины были священная жизнь Апостоловъ, ихъ изящное нравоученіе и особливо чудеса, ими творимыя. Если бы пришельцы изъ Конспантинополя равнымъ образомъ явили подобныя знаменія, такъ, что самый строгій наблюдатель, другъ истины не могъ бы прошивъ дѣйствительности ихъ воспрекословишь, безъ сомнѣнія и они имѣли бы такіе же успѣхи, какъ и Апостолы; безъ равномерныхъ же знаменій не имѣли бы никакого успѣха. Размысли о семъ, и конечно убѣдишься.

Шенеманъ. Сіи причины весьма основательны; но все еще остается возраженіе, что Японцы и безъ чудесъ принимали Христіанскую Религію.

Обоальдъ. Разсуди внимательнѣе, и увидишь, что сіе обстоятельство говоритъ болѣе въ пользу, нежели во вредъ, Христіанской Религіи. Сія Религія, по велѣнію порожественныхъ ея обрядовъ, имѣешь вообще много привлекательнаго, заключаешь въ себѣ многое, близко относящееся ко нравственнымъ нуждамъ человѣческимъ; и потому не удивительно, что народъ непросвѣщенный, суевѣрный принималъ ее, такъ сказать, съ распростертыми руками, пріобрѣтая тѣмъ самымъ новыя свѣдѣнія, новыя познанія. Но Апостолы нахо-

дѣлись совсѣмъ въ иномъ положеніи. Они не имѣли никакихъ обрядовъ, кромѣ крещенія водою и преломленія хлѣба ; все у нихъ соспояло въ чистой, безкорыстной любви къ Богу и къ ближнему и въ вѣрѣ во Искупишеля. По истинѣ, сіи прѣбванія не льстятъ чувствамъ, и человѣкъ не можетъ принять ихъ, естли разумъ не удостовѣрится въ истинѣ всѣхъ происшествій : удостовѣреніе, которое Апостолы могли вселить въ умы одними покло чудесами и яснымъ предложеніемъ истины о воплощеніи Бога - Слова.

Шенеианъ. Прекрасно ! Ты подкрѣпилъ меня, колеблющагося, новою силою ; но позволь мнѣ вновь обратиться къ вышеприведенному мною главному предмету сомнѣнія и предсавить его въ иномъ видѣ. Исторія Иисусова въ существѣ можетъ быть истинна ; Онъ могъ быть добродѣшнѣйшимъ изъ человѣковъ. Въ семъ удостовѣреніи Апостолы, не ученые Физикѣ, по наслѣдственному легковѣрью и суевѣрью могли во первыхъ впастъ въ сѣши невиннаго обмана, могли многое прикрасить, увеличить и даже вымыслишь, зная по опыту, что они чрезъ шо самое могли исправить, усовершить и обратиться ко Христу великое число людей ; во вторыхъ, они могли мечтать, что сами видѣли и слыша-

ли то, чего подлинно никогда своими глазами не видѣли и своими ушами не слышали.

Геобальдъ. Очень возможно! И сіе не большое опсупленіе возвращаетъ насъ туда же, опколѣ мы начали свою бесѣду, то естъ къ воскресенію Христоу. Естъли сіе происшествіе истинно, то прикрасы и мечлы у насъ скоро исчезнушь.

Шенеманъ. Истину воскресенія Христова я приемлю безъ прерѣканія.

Геобальдъ. Спанемъ продолжая разсужденіе наше со всѣмъ безприспращіемъ. Апостолы были ли, или не были удосновѣрены въ истинѣ воскресенія Іисусова?

Шенеманъ. Безъ сомнѣнія швердо оному вѣровали. Ибо, естъли бы оно было ихъ вымысль, то во всѣхъ дѣянїяхъ ихъ не было бы ничего кромѣ прошивурѣчія. Лжи никшо не запечашлѣешь такими жерпвами, какими они запечашлѣли возвѣщенную ими истину. Какъ легко однако же они могли обманушься? Какъ часпо люди мнѣшь видѣшь усопшихъ, между шѣмъ, какъ въ самой вещи нѣшь ничего и похожаго, сколь скоро все размошрипѣся съ должнымъ наблюденіемъ?

Геобальдъ. Справедливо! Но испышаемъ самое повѣспованіе. Іоаннъ былъ, такъ скажашъ, неопсупный всего самовидѣць, и все

повѣснвуемъ споль еспешивеннымъ образомъ, такъ не обинуясь, съ такою простотою, безъ всякой прикрасы, безъ всякаго приязанія на убѣжденіе, что не лъзя не дашь потчасъ вѣры словамъ его; невольно ему вѣришь. Другіе Евангелисты говорили шѣмъ же языкомъ; но не бывъ всегда сами очевидцами всѣхъ собышій, предали ихъ по сказаніямъ очевидцевъ, съ нѣкопорымъ измѣненіемъ въ неважныхъ, побочныхъ обстоятельствахъ: обыкновенный случай, когда многіе повѣснвуютъ одно и шо же. Сіе одно уже служить сильнымъ свидѣтельствомъ, что Апостолы преданной намъ ими Испоріи не выдумали; иначе они конечно были бы по крайней мѣрѣ споль оспорожны, что въ самыхъ малыхъ општѣнкахъ были бы совершенно согласны. Но слыша ихъ повѣснвованіе, не лъзя не признашь, что о сомнѣній припомъ они и не мыслили; ибо знали, что воскресеніе Хриспиво было собышіе, всенародно признанное и всѣмъ извѣстное. Въ прошивномъ случаѣ они испощили бы всѣ свои силы, чптобы доказать сію испину и народъ въ ней увѣришь. Но по всеобщему убѣжденію счишая сіе излишнимъ, они ограничивались шолько простымъ повѣснвованіемъ совершившихся собышій.

Шенеманъ. Прекрасное и справедливое примѣчаніе! Но оно не опровергаетъ еще моего возраженія. Я все еще думаю, что Исторія сія могла бытъ плодомъ воспламененнаго воображенія, сказаніемъ, каковыхъ много естъ о явленіи усопшихъ.

Геобальдъ. Разрушимъ и сію преграду. Знаешь ли ты хотя одну такую исторію, гдѣ бы многіе вмѣстѣ среди бѣлаго дня бесѣдовали съ усопшимъ, съ нимъ бы ѣли и пили, влагали бы персты въ его раны; гдѣ бы усопшій училъ и наставлялъ; гдѣ бы не всегда одни и тѣ же люди видѣли воскресшаго, но люди различныхъ состояній и различнаго образа мыслей; гдѣ бы наконецъ соображеніе съ возснавшимъ изъ мертвыхъ продолжалось въ теченіе сорока дней?

Шенеманъ. Справедливо! Апостолы въ семь случаѣ или были умысленные обольщенные, чего однако же ни самый грубый невѣжда, ни самый ожесточенный злодѣй, утвердишь не можешь; или вся сія Исторія должна — должна бытъ истинна: ибо путь уже не лъзя и мыслишь объ очарованіи, о мечтѣ, или иначе наконецъ не лъзя полагаться ни даже на самый вѣрный чувстввенный опытъ. Но, любезный другъ! не могла ли бытъ подкрашена повѣсть о воскресеніи Христовомъ?

Феобальдъ. Естьли она справедлива, естьли мертвый живеть, то сія повѣсть пребуеть ли прикрасы? можеть ли она бытъ увеличена? — Есть ли въ ней хошя шѣнь преувеличенія?

Шенеманъ. Мнѣ даже стыдно, что я сдѣлалъ тебѣ сіе возраженіе. О прочихъ я уже и не упоминаю; они не заслуживають уваженія.

Феобальдъ. Есть конечно умы буйные, порожденія ехиднины; всего лучше проходишь ихъ въ молчаніи. То вѣрно, что Искупителю руки и ноги прободены были гвоздьми; то вѣрно, что копіемъ пронзено было ребро Его, дабы похитишь у Него и послѣдній остатокъ жизни, когда бы она въ Немъ дошлѣ еще сохранялась; то вѣрно, что послѣ сего испекла изъ Него кровь и вода: можеть ли за шѣмъ сказать человекъ благоразумный, что врачъ и искуснѣйшій въ состояніи излѣчить споль страшныя раны въ продолженіи 40 часовъ? Безъ того какъ человекъ могъ ходишь ногами изъязвленными и здоровъ бытъ съ ребромъ прободеннымъ? До шакого безумія прудно и достигнушь.

Шенеманъ. Я долженъ признашься, что въ истинѣ воскресенія Христова ни мало уже не сомнѣваюсь. Апостолы не обманывали, и

сами не были обманушы: это историческая истина. Но еще одно слово: для чего Христосъ не явился всему Иерусалиму и сарфвѣишинамъ народа Иудейскаго?

Теобальдъ. Старое возраженіе! Для того, что сіе ни къ чему бы не послужило. Еслили умъ плѣненъ ожеспochenнымъ предубѣжденіемъ, и еслили противъ чего бы то ни было злоба ополчилась съ спрашнымъ своимъ оружіемъ, рѣшаясь не вѣришь событію, всѣмъ ея замысламъ противуборствующему; тогда всякое удословленіе тщетно: и въ семъ почто положеніи въ отношеніи ко Христу находились Иудеи.

Шенемаиъ. Это правильно, и можно сказать, что въ семъ же положеніи находишься большая часть нынѣшнихъ нашихъ вольнодумцевъ. Ибо хотя въ наши времена въ сообщеніи чрезвычайныхъ явленій наблюдается великая осторожность и все изъясняется по законамъ Физическимъ: но чудесамъ, но возпанию усопшаго изъ мертвыхъ никто не повѣришь, потому, что никто не можетъ изъяснить сихъ явленій по законамъ естественнымъ. Въ самой природѣ есть многое таинственное, неизъяснимое; лучше ни чему не вѣришь, нежели восколебашься въ своихъ лю-

бимыхъ началахъ. Таковъ общій несчастный предразсудокъ!

Феобальдъ. Самый опытъ по несчастію сіе доказываетъ. Если же повѣсть о воскресеніи Христовомъ истинна, то истинны и всѣ сотворенныя Имъ чудеса. Кто имѣетъ власть воскреснуть изъ мертвыхъ, пощъ легко можешъ изцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ, совершать и другія дѣла дивныя.

Шенеманъ. Въ семъ не лзя сомнѣваться. Но, любезный мой Феобальдъ! какъ ни справедливымъ сіе кажется искреннему другу истины, рѣдко сомнѣвающейся убѣждаешся такими доказательствами. Я самъ еще чувствую въ сердцѣ колебаніе, не совсѣмъ еще сомнѣніе меня оставило.

Феобальдъ. Я сему не удивляюсь; это есть духъ нашего вѣка. Философія, членіе разнаго рода сочиненій, принятый вообще образъ мыслей полагающъ въ душѣ нашей споль твердыя основанія сомнѣній, что истина всею своею силою не можешъ разрушить сего сполпотворенія, доколѣ Промыслъ и возбужденная въ чловѣкѣ жажда истины не изженуть сей мглы изъ разума и изъ сердца.

Шенеманъ. Сии послѣднія слова твои поразительнѣе, вѣрнѣе всего доселѣ шобою сказаннаго. Но гдѣ шущъ рука помощи?

Обобальдъ. Я сообщу тебѣ свои опыты, надѣясь, что я иду по правому пути. Если мы испытуемъ Историю Христову и Апостольскую самымъ спрожайшимъ образомъ, можемъ достигнуть высокой степени вѣроятности; но посредствомъ одного изслѣдованія не достигаемъ совершеннаго удостовѣренія, а слѣдовательно не приобретаемъ и успокоительной извѣстности противъ столь многихъ сомнѣній, во дни наши умы и сердца обуревающихъ. Изъ сего явствуетъ, что единое изслѣдованіе не достаточно для Христіанина къ тому, чтобы снѣжась истинную спасительную вѣру. Вѣра рождается отъ Духа Христова, и потому Искушитель вѣдалъ: *Егда придетъ утѣшитель духъ истины, наставитъ васъ на всякую истину. Иоанн. XIV.* И сіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: если человѣкъ всѣмъ сердцемъ возжелаетъ нравственнаго освященія; то прежде всего рѣшится познать изящнѣйшее ученіе нравственности, заключающее въ себѣ всѣ правила ко освященію и усовершенію себя. Въ семъ исканіи онъ находитъ, что нѣтъ въ мірѣ возвышеннѣйшаго и совершеннѣйшаго нравоученія, какъ то, которое предлагаетъ Христіанская Религія, и избираетъ ее себѣ правиломъ, закономъ своей жизни и дѣяній. Отъ непрестаннаго упражненія въ исполненіи заповѣдей сей Религіи,

опъ непрерывнаго бодрствованія надъ мыслями, словами и дѣлами, не позволяющаго спущивать шага, противнаго сему нравоученію, рождается въ немъ желаніе къ усовершенствованію сердца; онъ чувствуетъ въ себѣ возрастаніе любви къ Богу, къ Искупишелю, къ ближнимъ; сія самая любовь преломляетъ нравъ его, внушаетъ ему крошечность, и поспешно опъ сего самаго корня прозябающъ всѣ Христіянскія добродѣтели. Словомъ: вмѣстобуйныхъ спрасшей духъ Иисусовъ начинаетъ дѣйствовать въ душѣ, въ умѣ и въ сердцѣ, и чѣмъ ревностнѣе человекъ продолжаетъ сіе спасительное упражненіе, чѣмъ болѣе подвижается въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, тѣмъ болѣе увеличивается въ немъ мѣра духа и спокойствіе совѣсти или миръ Божій, превосходящій всякій разумъ. Какъ же при всемъ томъ не возможно не препрыкаться и не согрѣшавъ, но при сихъ паденіяхъ естественнаго, съ спонтаннѣйшимъ нравственнымъ чувствомъ, и угрызения совѣсти бывающъ живѣе, ошущивельнѣе: горитъ сердце желаніемъ исправить содѣянное прегрѣшеніе, и исправляетъ его, какъ только можеть. Но естли послѣдствія сихъ прегрѣшеній такового рода, что не могушь бытъ изглажены; когда на примѣръ грѣхъ обратился въ несчастіе ближняго

тогда сокрушенное сердце не видитъ и не
 обрѣшаетъ нигдѣ ни совѣта, ни помощи. Со-
 вѣсть показываетъ тогда Божественное право-
 судіе во свѣтѣ спрашномъ, гласомъ сильнымъ,
 убивающимъ оно требуетъ отвѣта о приспа-
 вленіи, вопіетъ: исправь поврежденное побою
 въ благомъ чинѣ шворенія, или вѣчно спраж-
 ди. Не обрѣшается тогда покой на мягкомъ
 одрѣ, на кошоромъ возлегаетъ упоенный
 вольнодумецъ, что Богъ сошворилъ человѣка со
 слабостями; ибо чистый и просвѣщенный разумъ
 видитъ и глубоко чувствуетъ, что всѣхъ оныхъ
 прешкновеній можно бы было избѣгнуть съ
 твердою и рѣшимельною волею. Тупъ - то
 являешься ходатай, Христіанская Религія съ
 Божественнымъ своимъ ученіемъ о искупле-
 ніи. О! какой прохладный зефиръ освѣжаетъ
 тогда горящую и палящую совѣсть! О! ка-
 кими райскими лучами блискаетъ Голгоѳа въ
 сіяніи любви Божественной! О! съ какою алч-
 носцію человѣкъ прибѣгаетъ къ оному непо-
 стижимому средству примиренія! Разумъ низ-
 вергается въ прахъ и восклицаетъ съ оправд-
 нѣйшею увѣренностію: Отче Христа, Ис-
 купителя моего, и мой Отче! я не поспи-
 гаю священнаго врачевства, коимъ Ты
 исцѣляешь наши грѣховныя язвы; но пони-
 маю и чувствую, что сіе врачевство есть

единственный способъ къ моему успокоенію, и что безъ него я бы погибъ навѣки! Тогда преспашешь всѣ умозрительныя изслѣдованія о истинѣ Христіанской Религіи; человекъ тогда ее чувствуешь, такъ сказать, осязаешь, а сіе превосходитъ всякое мудрованіе. — Если мы непрерывно продолжаемъ итти по сему пути къ усовершенствованію и къ освященію, исполняя заповѣди Божія, то всѣ вышеизъясненныя явленія постепенно открываются въ душѣ: мы приедемъ со дня на день вѣдущую силу, и мѣра грѣховъ нашихъ умалается; съ тѣмъ вмѣстѣ внутреннее чувство наше болѣе и болѣе изощряется, и самыя малыя прегрѣшенія представляются намъ пресущленіями; мы дѣлаемся осторожнѣе, бдительнѣе, возрасшая въ благоговѣніи въ дѣлѣ спасенія. Любовь къ Богу и Искушителью возбуждаетъ сыновнее упованіе на Его всемогущество, мудрость и благость; человекъ передаетъ Ему себя и всю свою участь, и сія преданность полагаетъ основаніе истинной молитвы; мало по малу душа вся живетъ единою молитвою, обращается съ Богомъ и со Христомъ, какъ другъ съ другомъ, и такимъ образомъ восходитъ отъ силы въ силу, отъ дара къ дару, доколѣ наконецъ болѣе и болѣе приобщается къ насурѣ Божествен-

ной и бываешь образом и подобіемъ Божиимъ. Другъ мой! что ты на все сіе скажешь? куда отбѣгають всѣ сомнѣнія о истинѣ Религіи?

Шенеманъ. Все сказанное побою до того прогаешь мое сердце и вся борьба въ немъ такъ упирается, что я съ помощію Божіею съ начала до конца хочу повторить самъ въ себѣ нашу бесѣду.

Феобальдъ. Богъ да благословитъ тебя въ семь добромъ намѣреніи! Ты конечно о томъ не поѣшуешь.

Шенеманъ. Отъ чего споль немногіе идутъ по пуши сему?

Феобальдъ. На семь пуши конечно гораздо болѣе людей, нежели мы себѣ воображаемъ, нежели то намъ извѣстно. Истинный Христіанинъ не трубитъ въ трубу о томъ, что съ нимъ происходитъ; напроивъ того онъ все скрываетъ, и свѣпшитъ только добрыми дѣлами. Большая часть таковыхъ истинныхъ Христовыхъ поклонниковъ находится между проснымъ народомъ и ни къмъ не примѣчается. Изъ нихъ наконецъ рѣдкіе имѣють споль ясныя понятія о происходящемъ въ ихъ сердцахъ дѣланіи, чтобы словами или письменно изъяснить оное другимъ. Богу благодареніе! истинные Христіане не оскудѣвають; но они обыкновенно въ безвѣстности.

Я предугадываю, что сіе объясненіе Теобальдово не произведетъ глубокаго впечатлѣнія въ большей части моихъ читателей; при всемъ томъ я не могъ оплошиться его въ спорону, какъ пошому, что оно открываетъ тогдашній образъ мыслей сего достойнаго мужа, такъ и для того, чтобы показать, сколь много онъ послѣ всѣхъ заблужденій и прешыканій приблизился къ спасительной средней стезѣ; наконецъ и пошому, что сіе доказательство для благонамѣреннаго маловѣра все можетъ служить къ успокоенію. Иной усумнится и помыслитъ, какъ такой пылкой умъ, какой былъ у Шенемана, могъ быть плѣненъ сими доказательствами. Но для меня сіе весьма понятно: человекъ, который искренно ищетъ спасенія, долженъ быть въ скорби и въ страхѣ, представляя себѣ то положеніе, въ коемъ бы онъ находился, если бы оставилъ Христіанскую Религію. Между всѣми исповѣданіями на землѣ нѣтъ ни единаго, которое было бы столь величественно, возвышенно, нуждамъ сердца человѣческаго столь сообразно, какъ Христіанская Религія. Кто не вѣритъ сему, пусть испытаетъ, и воздастъ славу Богу. Христіанская Религія между всѣми существующими Религіями есть изящнѣйшая, разительнѣе, живоощущеннѣе всѣхъ, гово-

ришь прямо къ сердцу. Оставляя ее, надобно имѣть въ виду Религію лучшую, вовсе не существующую, а сіе для сущесва мыслящаго не игрушка. Деисмы нашего времени воображаютъ, что они достигли до далье нельзя, нашли высочайшую и чистѣйшую Религію своего изобрѣшенія; но время покажетъ, сколь они заблуждаютъ. Поняпіе о предопредѣленной необходимости, о рокѣ, сущесивно соединено съ деизмомъ, и оно одно испровергаетъ всю нравственностъ. Деисмъ не способенъ къ нравственному себя усовершенію: мысль, коей послѣдствія ужасны. Деисмъ снисходитъ часъ опъ часу глубже въ бездну, вѣчно падаетъ, не зная даже своей пропасти; но Христіанинъ идетъ спокойно путемъ своимъ, вѣришь, что Богъ даровалъ ему силы къ усовершенію себя, и шворишь для того все возможное. Вѣришь, что Богъ во Христѣ услышишь его молитву, и попому съ сыновнею надеждою возлагаетъ на Него все упование. Вѣришь, что Богъ ради спраданія и смерти Христовой оппустишь ему грѣхи его, естли онъ раскается въ нихъ чистосердечно и будетъ впредь отвращаться опъ зла. Опъ того самаго пріобрѣтаешь онъ спокойствіе совѣсти, миръ душевный и вящее спремленіе усовершишься, уподобишься Богу.

Но, говоришь деиствъ, всѣ сіи понятія не согласны съ здоровымъ разсудкомъ. Бѣднѣй, слѣпый человѣкъ! не по ли же самое говоришь и креспянинъ, когда ты спараешься увѣришь его, что земля въ 24 часа около оси своей обращается, или что она въ печеніе года совершаетъ кругъ около солнца, или что звѣзды гораздо больше земли? Надъ всѣмъ симъ онъ шакже смѣется, и вопіетъ: это прошивно здоровому разуму.

Приведите въ систему деизмъ; я найду вамъ въ самой сей системѣ гораздо болѣе, нежели въ Хрисіянской Религіи, предметовъ, прошивуборствующихъ здоровому разуму. Когда рѣчь идетъ о вѣчномъ блаженствѣ человѣческомъ, о бытіи по смерти; то истинны, сіе доказывающія, еспешвенно должны бытъ заимствованы изъ того міра, въ которъй человѣкъ послѣ сей жизни переходитъ; слѣдовашельно не возможно человеку по сію сторону гроба понять всего того, что служить ему путемъ пріуготовленія къ міру будущему. Однимъ словомъ: Существо, Которое правитъ симъ видимымъ и онимъ невидимымъ міромъ, и вѣдаетъ ихъ совершенно, сіе единое Существо можетъ открытъ намъ и единую истинную Религію.

Сколь дерзокъ и сколь доспоинъ наказанія былъ бы шомъ юноша, коего Царь хотѣлъ бы употребить при Дворѣ своемъ, и возложилъ бы на него исполненіе повелѣній, когда бы онъ спалъ судіею сихъ повелѣній, началъ бы находить ихъ пропивными здравому разуму, начерпалъ бы самъ для себя планъ поведенія ко пріуготовленію себя къ службѣ. Юноша не можешь знаешь всего того, что знаешь Царь его, вѣдающій во всемъ проспанствѣ и всѣ обязанности служенія.

Шенеманъ доказательствами Оеобальдовыми совершенно былъ успокоенъ; оба они совокупно спарались образовашъ Принца испицинымъ Хрисіяниномъ, и въ шомъ успѣли. Другіе учители не касались Религіи, и въ семъ опношеніи пошому не спнавляли никакого препяшствія; они исполняли свой долгъ каждый по своей часши; болѣе опъ нихъ и не шребовалось. Такимъ образомъ Принцъ былъ воспитанъ и образованъ добродѣшельнымъ человѣкомъ. Князь сіе видѣлъ и чувствоваль; за шо любилъ и Царски наградилъ наспанниковъ.

Шестъ лѣтъ Оеобальдъ былъ учителемъ Философіи у Принца. Въ продолженіе сего времени, независимо опъ возложенныхъ на него вшайнѣ дѣлъ, о коихъ я не знаю, а

пошому и не говорю, не встрѣчалось съ нимъ ничего доспойнаго особеннаго любопытства. Съ сего времени онъ имѣлъ весьма обширную переписку, находился вообще въ большомъ кругѣ дѣятельности, и споспѣшествовалъ въ приведеніи въ дѣйствіе многихъ предметовъ, служащихъ ко умноженію истиннаго народнаго благосостоянія. Посредствомъ сего пріобрѣлъ онъ отъ Князя и другихъ знаменитыхъ мужей отличное къ себѣ уваженіе. После шоль долговременнаго испытанія Князь призналъ за благо ввѣрить ему важнѣйшія дѣла Государственныя. Званіе Тайнаго Кабинетъ - Секретаря было для нашего Сеобальда свойственнѣе всякаго инаго; оно и было на него возложено съ чиномъ Тайнаго Совѣтника. Сію важную должностъ онъ исправлялъ съ честію десять лѣтъ до самой кончины Князя. Когда Принцъ, воспитанникъ его, принялъ правленіе, онъ возведенъ былъ еще въ высшее достоинство, какъ шо мы увидимъ въ послѣдствіи.

Бывъ около года Кабинетъ - Секретаремъ и Тайнымъ Совѣтникомъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, съ цвѣтущимъ здравіемъ, онъ однажды весною вздумалъ пожить на чистомъ воздухѣ въ полѣ, и никому о себѣ не сказавъ, отправился пѣшкомъ. Разныя причины

побуждали его къ сему пушешествію : въ народѣ носились слухи , что по мѣстамъ нѣкоторые чиновники приспраспно исправляли свои обязанности ; главное его намѣреніе состояло въ томъ , чтобы заспать ихъ въ располхъ и узнать настоящую истину. Во впорыхъ , онъ желалъ въ сіе прекрасное время , удалясь отъ всего шума , насладиться прекрасною природою ; можешь быть имѣлъ онъ и сверхъ того еще причины , Богъ вѣсть. Не трудно ему было получить на сіе позволеніе отъ Князя. Такимъ образомъ онъ , взявъ съ собою , что было необходимо , велѣлъ вынести за городъ свою спранныческую копомку , переодѣлся въ простое мѣщанское платье , и въ одно прекрасное утро , когда всѣ еще покоились глубокимъ сномъ , вышелъ изъ города , положилъ за плеча свою копомку и съ посохомъ въ рукѣ , какъ ремесленникъ , пустился въ путь по уединеннымъ пропинкамъ , между рощей и зелени благовоной , пѣниемъ соловьевъ сопровождаемый , направляя стопы къ нѣкому мѣсту , гдѣ молва представляла одного чиновника въ самыхъ черныхъ краскахъ.

Къ полудню пришелъ онъ въ одну деревню , приспалъ въ госпинницѣ , сложилъ съ себя скарбъ свой и велѣлъ пригошовишъ

для себя кушанье. Между шѣмъ хозяинъ возвратился съ поля, и много ворчалъ. Едва молвилъ онъ слово своему госпию, Феобальду показалось сіе спраннымъ, и онъ спросилъ его: Хозяинъ! чпо шакъ сердишь?

„Какъ не сердишься“ отвѣчалъ онъ; „представь себѣ: повинности у насъ не опредѣлены. Мы исправляемъ ихъ сколько, сколько Князю, или лучше скажешь, сколько нашему Судьѣ угодно. Судья заводитъ шеперь у себя прекрасный садъ; новый нарядъ — гоняшь насъ работашъ въ саду. Мы и безъ того должны чистить дороги, на Князя работашъ: за шѣмъ садъ уже намъ и въ шягошь; и какая ошъ него польза Князю и Княжешву?“

Бѣдные люди! вамъ подлинно плохо! повинность за повинностию. — Тяжело, а еще шяжелѣе, чпо Судья на себя зашавляетъ работашъ; на это права онъ не имѣетъ. Но не уже ли Князь и Правительство шмошряшъ на все сіе, молча?

Хозяинъ пожалъ плечами и говорилъ: „Князь нашъ весьма добрый Государь, но мало ли чего не знаешь. Въ судахъ есть шакже добродѣшельные люди, но есть и злодѣи, и шіи послѣдніе всегда сильнѣе, нежели добрые.“

Попомъ, рука руку моетъ, а бѣдные шер-
ляпъ и никипо имъ не внемлеть.“

Оеобальдъ, сидя, молчалъ и размышлялъ
о положеніи Государей. Спало ему опять по-
то грустно; и сколько онъ ни былъ голодень,
ни что ему не было по вкусу. Послѣ обѣда
онъ пошелъ далѣе, направляя путь къ тому
мѣсту, гдѣ жилъ неправедный Судья. Здѣсь
также онъ приспалъ въ гостинницѣ, чтобы
пробыть нѣсколько дней, надзирая за его
поведеніемъ.

Повѣсть, которую онъ прежде всего
услышалъ и которая по всему городу изъ
уста въ уста переходила, относилась ко
вдовѣ умершаго чиновника Вебера. Онъ былъ
одинъ изъ справедливейшихъ и честней-
шихъ людей своего времени; но излишняя
твердость и нравъ его угрюмый навлекли на
него при Дворѣ ненависть; даже добрые лю-
ди къ нему охладѣли, попому, что онъ не
зналъ великаго искусства заставлялъ любить
себя; къ тому же онъ былъ столь спрогъ въ
нравственности, что всегда старался скры-
вать свои добрые поступки, не могъ шерпѣть
того, чтобы пускать пыль въ глаза, оказы-
вать свое достоинство: что для человѣка,
въ службѣ находящагося, часто необходимо,

еспѣли онъ не хочеть заимить или оставишь въ безвѣспности пруды свои.

Веберъ имѣлъ добродѣтельную жену, которая съ искусствомъ въ домоупроиспелствѣ соединяла особенный даръ въ воспитаніи дѣшей. Съ нею онъ прижилъ двухъ сыновей и дочь. Сыновья учились правамъ, и должны были искашь себѣ хлѣба внѣ ошечесства. Вдова съ дочерью жила въ семь опдаденномъ городкѣ, какъ пошому, чшобы уклонишья опъ всякаго знакомства и сношенія со Дворомъ, шакъ особливо за шѣмъ, чшо не имѣла способовъ содержашь себя по приличію. У ней не было никакаго имѣнія; дочь доставляла ей и себѣ пропитаніе рукодѣлемъ, которое въ городѣ купцамъ продавала; мать, сколько могла, была во всемъ ей помощницею. Рабопою сею онѣ приобрѣшали себѣ пропитаніе, и все шо имѣли, чшо было нужно и чего шребовала благоприсшойность.

Въ шомъ самомъ городкѣ жила одна дѣвушка, которая шакже промышляла рукодѣлемъ, и съ которою Судья жилъ въ недозволенной связи. Дѣвушка сія почувшвовала уцербъ въ доходѣ, какъ пошому, чшо рабоша дѣвицы Веберъ была лучше, шакъ и за шѣмъ, чшо всякъ ошошно, изъ уваженія къ

сей послѣдней, желалъ ей промочь, и наконецъ
никшо ошъ ней не боялся обмана.

Сія развратная дѣвушка озлобилась на
вдову Веберъ и на дочь ея и требовала ошъ
Судьи избавить ея ошъ сихъ соперницъ. Оже-
споченный и безсовѣстный Судья ни мало въ
семь не запруднился; но надобно было ему
найти предлогъ благовидный, чшобы погу-
бить невинныя жершвы. Случилось шакъ, что
за два дня до прихода Оеобальдова весь громъ
сей грянулъ на сихъ бѣдныхъ овецъ, и весь
городокъ заговорилъ о семъ происшествіи.
Гдѣ шолько два человекъ были вмѣшпѣ, шамъ
уже безъ сомнѣнія рѣчь была о вдовѣ Веберъ
и ея дочери: всѣ единогласно о нихъ сожалѣ-
ли. Вошъ какъ злодѣй ископалъ имъ яму: онъ
призвалъ къ себѣ хозяина дома, гдѣ онѣ жи-
ли, и спрашивалъ, исправно ли онѣ плашптъ
ему за наемъ. Весьма исправно, ошвѣшпшво-
валъ хозяинъ; но за послѣднюю чешверть
года онѣ еще миѣ не заплашили, ожидая еже-
часно денегъ по почшѣ за рукодѣлье. На сіе
Судья, подѣ предлогомъ любви ко ближнему,
въ предосторожность говорилъ ему, чшо шѣ
деньги давно уже поступили въ удовлештво-
реніе нѣкоего заимодавца, и пошому совѣшо-
валъ ему стараться иными средствами полу-
чить свои деньги. Хозяинъ въ спрахѣ возвра-

тился домой; Судья съ своей стороны послалъ
 поспчасъ сказать Почтмейстеру, что естль
 пакешъ съ деньгами придетъ на имя вдовы
 Веберъ, онъ бы ей не отдавалъ его, но не
 медленно ему бы доставиль, по возникшему
 на нее требованію, которое надлежало обез-
 печить вѣрнымъ залогомъ, и которое нужно
 содержать внаиѣ. Потомъ онъ отправиль
 служителя ко вдовѣ Веберъ и велѣлъ пригласить
 ее къ себѣ. Она явилась, и услышала
 громовой приговоръ, что обязана заплащивъ
 извѣстную сумму въ городскую казну, естль
 хочешъ продолжатъ свое рукодѣлье, и что до
 тѣхъ поръ она ни подъ какимъ видомъ не
 должна продаватъ своей работы; а естль
 осмѣлился спунить шагъ проливъ сего при-
 казанія, то никакое извиненіе опъ нее не
 будетъ принято, и она съ дочерью будетъ
 выгнана изъ города. Добрая вдова ни слова не
 отвѣчала, побрела домой, легла въ постель,
 и постель свою орошала слезами. Дочь испу-
 галась, старалась узнать причину матеряго
 сокрушенія, и узнавъ постигшее ихъ несча-
 стіе, пала на колѣна и проливала кровавыя
 слезы. Хозяинъ, нѣсколько дней съ ряду не
 опспунно ихъ преслѣдовавшій и денегъ не
 получавшій, — они уже были въ рукахъ у
 Судьи — кришелъ какъ будто печально къ

нимъ въ комнапу, и полагая, что онѣ плакали отъ того, что присланныя имъ деньги удержаны по иску, осыпалъ ихъ угрозами, и увѣрялъ, что если онѣ въ три дни не получатъ своихъ денегъ, вышолкаешъ нагихъ ихъ изъ дому на улицу. Сей безчеловѣчный поступокъ исполнилъ мѣру ихъ скорби; обѣ онѣ прибѣгнули къ Богу, и молили небеснаго Отца о помощи.

Въ сіе самое, споль для нихъ горестное время пришелъ въ шопъ городокъ Феобальдъ; услышавъ рассказы о семъ происшествіи, разспросилъ всѣ обстоятельствова, и вмѣстѣ узналъ, что мать и дочь были обѣ весьма благочестивыя и добродѣшельныя женщины. Едва могъ онъ даждаться утшеняго свѣта, дабы, не нарушая благопристойности, видѣшся съ угнѣшенными страдалицами.

Онъ нашель ихъ въ бѣдности и въ глубокомъ уныніи. При первомъ на него взглядѣ онѣ отъ страха содрогнулись, ожидая при семъ новомъ явленіи новаго огорченія. Дѣвица Веберъ показалаь ему весьма пріятною — прекрасный нравъ написанъ былъ на лицѣ ея; мать могла вселить къ себѣ почтеніе во всякомъ чувствительномъ сердцѣ.

Привѣтствовавъ ихъ, онъ сказалъ, что онъ лутешественникъ, и вчера въ вечеру

въ гостинницѣ слышалъ о ихъ несчастіи. Бопъ
восемь червонцовъ, присовокупилъ онъ; прошу
я васъ принявъ ихъ въ даръ не отъ меня, но
отъ общаго нашего Опца небеснаго, не оби-
нуясь, безъ размышленія. Съ сими словами
онъ положилъ восемь червонцовъ въ руку вдо-
вѣ Веберъ.

Какъ послѣ спрашной шучи, день въ
ночь премѣняющей, вечернее солнце, явля-
ясь, позлащаетъ окропленные дождемъ листья
на деревьяхъ: шакъ унылыя лица сихъ спраж-
душихъ шущъ прояснились; мать обняла и
облобызала его. Кпо бы ты ни былъ, благодѣ-
тельный человекъ, говорила она, я считаю
тебя Ангеломъ Божиимъ, посланнымъ избавишь
изъ рва двухъ несчастныхъ: да будетъ вѣчно
благословенно имя Его! Дочь, исполненная при-
знашельности, шакже бросилась бы къ нему
на выю, ешлы бы не удерживалъ ее спыдъ,
полу и лѣшамъ ея соопвѣшсвенный. Взавъ его
за обѣ руки, она говорила: Клянусь вамъ,
ешлы Богъ даруетъ мнѣ способъ оказашъ
вамъ услугу, шократно большую намъ вами
оказанной, я сочту себѣ сіе счастиемъ!

Эпо легко можетъ случиться, опевчалъ
Обобальдъ, коего сердце уже предприняло рѣ-
шимость. Онъ пробылъ у нихъ нѣсколько вре-
мени, завпракалъ съ ними, и непримѣшно

входилъ во всѣ подробности ихъ жизни. По-
шомъ опправился далѣе, и при прощаньи
сказалъ сіи примѣчательныя слова: Черезъ
недѣлю нѣкшо къ вамъ придетъ и приведетъ
васъ въ споль счастливое состояніе, какого
вы шолько можете желать въ сей жизни.
Дочь ваша, говорилъ онъ вдовѣ, будетъ не-
вѣсною челоуѣка не недоспойнаго. Опъ словъ
сихъ онъ обѣ покраснѣли, ни слова не опвѣпи-
спвовали, и пошупивъ глаза въ землю, изумля-
лись.

Феобальдъ возвратился въ сполицу; на
сей разъ онъ довольно наслушался и нагла-
дѣлся. Легко себѣ можно предспавишь, съ ка-
кимъ неперпѣніемъ спраждуція ожидали дня
предназначеннаго. Какъ шолько Феобальдъ
ушелъ опъ нихъ, они заплашили хозяину,
что причиналось: онъ споль же былъ удив-
лень, сколько доволень. Судѣ опнесли
также пребуемую подашь за право работанъ:
что особенно Феобальдъ совѣшповалъ имъ ис-
полнишь, въ шомъ намѣреніи, дабы посред-
спвомъ шого имѣшь основаніе къ законному
его преслѣдованію.

Возвращаясь и переодѣвшись, онъ немед-
ленно пошелъ къ Князю, и рассказавъ ему
свое опкрышіе, изъявилъ вмѣспѣ намѣреніе
жениться на дѣвицѣ Веберъ, еспшли шо Его

Свѣшлости будешь благоугодно. Добрый Князь одобрилъ его выборъ, а для изслѣдованія дѣяній неправеднаго Судьи назначилъ чиновника, Феобальдомъ ему предложеннаго, боясь назначить такого, который бы могъ ловить раки въ мушной водѣ; ибо шупъ нуженъ былъ чело­вѣкъ безприсрасшый и опышый. Спусти нѣсколько дней, чиновникъ сей и Феобальдъ вмѣстѣ опправились въ шопъ городокъ, гдѣ неправедный Судья влашвовалъ споль безза­конно. Прибывъ на мѣсто, они блюли вшай­нѣ цѣль ихъ посланія.

Переночевавъ въ гиспинницѣ, поупру Феобальдъ одѣлся по своему званію, пошелъ ко вдовѣ Веберъ, и нашель ее съ дочерью за обыкновенною ихъ работою. Легко можно себѣ предсшавишь, какъ пріяшно были они удивле­ны, узнавъ въ вельможѣ своего благодѣтеля. Смущеніе не позволило имъ распрощранишь въ изьявленіи признашельства; но Феобальдъ скоро вывелъ ихъ изъ замѣшательства, ска­завъ:

Друзья мои (позвольте мнѣ назвашь васъ симъ именемъ)! бывъ въ семь городѣ въ пер­вый разъ, я встрѣшилъ въ васъ благородныя и любезныя свойства; расшрашивалъ я о ва­шемъ образѣ жизни, и не слыхалъ ничего, кромѣ похвалъ: вы приносите жизнью вашею

жершву чистой Религии. Отъ плодовъ древо познается, я тогда думалъ; а нынѣ рѣшилъ ся познакомиться съ вами ближе. Я шотъ самый Феобальдъ, который былъ прежде наставникомъ Принца, а нынѣ Тайнымъ Совѣшникомъ и Кабинетъ - Секретаремъ. Я прошу васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ матери, дашь мнѣ званіе, всякаго званія для меня драгоценнѣйшее, — званіе вашего сына! а васъ прошу, сказалъ онъ, обращаясь къ дочери, принять мою руку и сердце! —

Смятеніе, изумленіе, слезы, восхищенія, надежда, всѣ сіи чувства шоль сильно возволновали и дочь и мать, что онѣ пребывали въ недоумѣніи, ничего не могли промолвить, нѣмошествовали. Феобальдъ въ спокойномъ молчаніи, пошупивъ глаза въ землю, ожидалъ отвѣта. Наконецъ мать, нѣсколько успокоясь, говорила: Милосшивый государь и другъ! дочь моя ешь единственное сокровище, которое ешь у меня на землѣ; позволите мнѣ ошашься съ нею наединѣ на краткое время. Ошшно я исполню ваше желаніе, отвѣчалъ Феобальдъ, и хотѣлъ выйти. Не уходите, ошашьтесь! сказала ему дочь, расшоганная и раскраснѣвшаяся. Феобальдъ оштался. Амалія продолжала: Любезная мать! что намъ говорить между четырьехъ глазъ

о дѣлѣ рѣшенномъ? Безъ сомнѣнія говоритѣ нечего, ошвѣчала машь, когда шы рѣшилась.

Амалія. Вы всегда мнѣ повпоряли, чпо я сама должна избратьь себѣ мужа, чпо вы будете довольны моимъ выборомъ; я избираю — шупь рѣчь прервалась въ устахъ ея, слезы изъ глазъ ея полились ручьями; машь вмѣстѣ съ нею зарыдала; *Феобальдъ* равнымъ образомъ едва могъ удержашь слезы. Когда сей порывъ сердца ушихъ, машь говорила: Любезный другъ! шы просишь ошъ меня дочери и сладостнаго имени сына; добродѣшель швоя давно всѣмъ извѣстна; я не могу желашь въ семъ мѣрѣ большаго счастья: но и на мысль не могло сіе приходиль мнѣ досель.

Феобальдъ. Благодарю Тебя, Господи! Къ тебѣ я нынѣ обращаюсь, любезная Амалія! дай мнѣ согласіе свое соединишь навѣки свой жребій съ моимъ!

Естьли для сего согласія нужно чувство, называемое супружескою любовію; съ симъ условіемъ нынѣ я не могу еще изъявиль согласія. Но когда для шого достапночно глубокаго почшенія, искренняго уваженія и нѣкошораго тайнаго предчувствія о совершеннѣйшей любви супружеской; шо шакъ, я ваша навѣки.

Феобальдъ, изумленный сими словами, остановился; но скоро глаза его открылись, и онъ увидѣлъ невинную, чистую Ангельскую душу своей невѣсты во всемъ ея свѣтѣ. Она не могла еще любить его, какъ женихъ любить невѣсту; къ сему нужно постепенное возрастаніе любви, взаимнымъ сообщеніемъ, взаимнымъ вниманіемъ производимое. Есть люди, кои вдругъ воспламеняются страстною любовію: чувство сіе не есть любовь души, но инстинктъ. Если бы Амалія оповѣчала обыкновеннымъ свѣтскимъ языкомъ; она бы конечно, надѣвъ на себя личину прищворства, сказала: шакъ! я люблю тебя; но она не пошла путемъ общимъ, а съ благородною искренностію открыла по истинѣ то, что чувствовала. Она исполнена была уваженія къ его добродѣтели; видъ и дѣла его производили въ ней глубокое впечатлѣніе, которое, изливаясь на лице ея, радовало Феобальда, какъ радуешь человѣка упрежня заря, обѣщающая прекрасный ясный день. Сколь твердо онъ могъ быть увѣренъ послѣ всего объясненія, что Амалія его не обольщаетъ! Распроганный, онъ заключилъ ее въ свои объятія и говорилъ: Любезная Амалія! любовь послѣдуетъ за уваженіемъ: я жду отъ тебя любви, и простеръ къ ней свою руку; она свою съ нею соединила;

и мать горячими слезами благословила сей ихъ союзъ.

Оеобальдъ ожидалъ опъ сего брака великаго счастія. Душа его непрестанно предзрѣла Бога шредъ собою; во внушреннѣйшемъ сердца онъ покланялся Ему духомъ и везсылалъ благодареніе за ошеческій промысль, кошорый опъ юныхъ лѣтъ руководсшвовалъ его съ шакимъ милосердіемъ.

Безъ огласки онъ сдѣлалъ всѣ приготошенія къ свадьбѣ, кошорая чрезъ нѣсколько дней долженсшвовала совершиться. Невѣстѣ своей и ея матери доставилъ онъ способы снабдить себя необходимымъ и забыть свою бѣдность.

Но приходъ его въ домъ ко вдовѣ Веберъ разсѣялъ въ городкѣ разные толки, для Амаліи неблагопріятные. Всѣ думали, что сей неизвѣстный Вельможа поймалъ добрую пшичку въ свои сѣти. Но какъ взаимно всѣ удивились, узнавъ, что Тайный Совѣтникъ Оеобальдъ женился на дѣвицѣ Веберъ; происшествіе сіе было превыше поняшія каждаго. Боже мой! всѣ повшорали: возможно ли эшо? — Эшо не посшижимо. Женщины не умолкали, и многія, особенно шѣ, у коихъ доселѣ вдова Веберъ и дочь ея быди въ прищчу, кои при всякомъ случаѣ уничижали ихъ,

спѣшили въ нарядахъ поздравить Амалію Тайною Совѣтницею и удостоверить ее какъ въ своемъ опъ того восхищеніи, такъ и въ душевной къ ней преданности. Другія добродѣтельные и благочестивыя женщины посѣдили ихъ безъ всякихъ обрядовъ, и въ присутствіи ихъ слезами благодарности приносили Богу жершву хвалы. Первыя были приняты съ сухою вѣжливостію; съ послѣдними сердца говорили.

Судья, который шупъ уже увидѣлъ вѣсѣвшую надъ нимъ шучу, но думалъ еще громъ опвести лестію, деньгами и посредствомъ пріятелей, началъ извиваться змѣею: одѣлся въ великолѣпное платье, пошелъ на поклонъ къ вдовѣ Веберъ и къ ея дочери, осыпалъ ихъ вѣжливостями, пожеланіями счастья и испрашивалъ себѣ покровительства, здѣсь же ксшати объяснялъ свой съ ними поступокъ и всѣми возможными пуспыми увершками старался оправдать себя. Онъ принявъ былъ ласково, а на всѣ его прозбы и убѣжденія Амалія отвѣчала пословицею: Доброе дѣло само себя хвалитъ. Опъ нихъ пошелъ онъ къ Феобальду, который такимъ же образомъ съ нимъ обошелся.

Часть IV.

Б

Я не буду занимать чиншелей повѣстями, къ цѣли моей не относящимися. Крашко скажу, что Феобальдъ женился, Судья отрѣшенъ отъ должности, и на всю жизнь посланъ въ започеніе; непошребная его прелестница поселена на нѣсколько времени въ емиришельномъ домѣ.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Амалия заступила мѣсто Сусанны въ сердцѣ Оеобальда. Почтенная теща его послѣ долгаго и жестокаго искушенія вновь жила въ чести и счастливо; Оеобальдъ взялъ ее къ себѣ, и обращеніемъ съ нею показывалъ, что какъ бы ей одной былъ обязанъ всѣмъ своимъ благоденствіемъ. Нѣкопорымъ образомъ сіе было и справедливо; онъ въ Амаліи нашель все, чего только можно ожидать отъ жены добродѣтельной. Она, шакъ сказавъ, вновь разцвѣтала; красота ея обращала на нее вниманіе всего Двора. Не взирая на шо, она изрѣдка только являлась въ собраніяхъ, и шо не иначе, какъ когда требовали того долгъ и приличіе. Но сіе самое уклоненіе отъ обществъ возбуждало во многихъ придворныхъ желаніе и любопытство сразиться съ шоль испытанною и высокою добродѣтелію; но всѣ ихъ спрѣлы щипомъ Минервинымъ были опражаемы. Оеобальдъ имѣлъ упѣшеніе быть единственнѣмъ предметомъ любви Амаліи, одинъ обладалъ симъ образцомъ непорочности. Предшояло ей многотруднѣйшее бореніе; она долженствовала

пройши искушеніе опаснѣйшее : самъ Князь ею плѣнился. Долго онъ прошивуборствоваль, хопя и съ слабымъ оружіемъ, сей шайной склонности сердца ; она наконецъ надъ нимъ одержала побѣду : Князь началъ спавишь сѣши Амаліи.

Искусство, уловки, вниманіе, угожденія, всѣ роды нѣжностей, кои Князь, какъ любовникъ, испоцаль предъ Амалією, споль всѣмъ извѣсны изъ разныхъ книгъ, заключающихъ всѣ шайны сей науки, что повшореніе всего сего здѣсь было бы совсѣмъ не умѣспа. Онъ испыталъ всѣ средства, но всѣ были щещны ; подарки всегда получалъ онъ обратно, и Амалія при всякомъ случаѣ спаралась ускользнуть отъ глазъ его съ изъясленіемъ высокопочишанія.

Сія угрюмосшь, — модные люди самымъ возвышеннымъ добродѣтелямъ дають сіе имя — умножала еще въ Князѣ пламень спрасши, а вмѣстѣ съ шѣмъ и все его искусство. Амалія увидѣла себя въ необходимости отккрышь скорбь свою мужу и просишь его совѣша. Доселѣ она спаралась все шайшь отъ него. Обобальдъ ужаснулся, предчувствуя грозную шучу, которая могла обрушиться надъ его головою ; но бывъ оба долго въ училищѣ спраданій, они во всемъ предали себя судьбѣ.

Феобальдъ прежде всего совѣщовалъ Амаліи при первомъ случаѣ со всѣмъ почтеніемъ, но со всѣмъ также достоинствомъ, приличнымъ добродѣтели, кратко и ясно сказать Князю свой образъ мыслей. И если бы сіе объясненіе оказалось безплоднымъ, то они твердо рѣшились немедленно удалиться отъ Двора, и лучше снискивать хлѣбъ себѣ въ потѣ лица, терпѣть даже всю жестокость нужды, нежели содѣлать грѣхъ предъ Богомъ.

И скоро представился сей случай сказать Князю всю испину. Феобальдъ по дѣламъ долженъ былъ на краткое время отправиться изъ города; Князь воспользовался симъ временемъ, явился къ Амаліи, и нашелъ ее за работою. Сіе неожиданное посѣщеніе привело ее въ страхъ; но она тотчасъ опомнилась, и не показала ни малаго вида смущенія. Князь съ неоспешною вкрадчивостію соединялъ даже власть свою. Тутъ наконецъ Амалія рѣшилась испровергнуть всѣ его виды; подошла къ нему съ величественною важностію и просила позволенія сказать ему нѣсколько словъ. Получивъ сіе дозволеніе, она говорила:

Ваша Свѣтлость! можете приказати мнѣ, что угодно: всякая жертва для васъ не будетъ мнѣ шаягошна. Но коль скоро вы

пребуеште ошъ меня жерпвы, продолжала она голосомъ пвердымъ, пропивной священнѣйшимъ обязанностямъ; шо позволеше мнѣ на-помнить вамъ, что шущъ преспаешъ право всякой власпи. Предъ лицомъ спрашнаго Все-видящаго я клянусь вамъ, что я скорѣе соглашусь плавать въ крови своей, скорѣе перенесу люпѣйшія скорби, нежели нарушу супружескую вѣрность. Въ семъ состоишь не-преложная моя рѣшимость.

Какъ громомъ пораженный, Князь безмолвно споялъ, и скоро попомъ удалился.

Слова сіи Амалія давно хранила въ за-пасѣ; они вылились изъ ушь ея, какъ бы-спрошекущій огонь, какъ молнія, изъ обла-ковъ падающая на великолѣпную башню и распопляющая мѣдъ и желѣзо.

Въ слѣдъ за симъ Оеобальдъ возврапилоя домой. Амалія ему рассказала все происше-ствіе; оба они ожидали мщенія. Но мщеніе вдругъ на нихъ не излилось. Князь нѣсколько времени былъ холоденъ къ Оеобальду; но былъ споль великодушень, что мщеніе было чуждо его сердца. Сверхъ того онъ скоро вспрѣнилиъ иной предметъ, менѣе суровый. Новая спраспъ угасила въ немъ спраспъ къ Амаліи, но не умалила опличнаго его къ ней уваженія. Онъ споль много говорилъ въ ея пользу женъ сво-

ей, что сія послѣдняя обратила на нее особенное вниманіе, часпо ее къ себѣ приглашала, и не взирая на различіе соспоаній, сдѣлала ее своею вѣрнѣйшею наперсницею. Обращеніе съ сею почтенною больною, на смертномъ одрѣ лежавшею, доставляло Амаліи неописанное удовольствіе. Она опъ нее не опходила; и шупъ имѣла случай видѣшь въ Князь и нѣжнаго супруга и благочеспиваго Хреспіянина. Послѣдніе дни жизни жены его произвели въ его нравѣ большую перемѣну, шакъ, что онъ удалил опъ себя даже любовницу свою и шѣмъ самымъ принесъ жершву, ему самому и всему Княжеству полезную. Княгиня духовнымъ завѣщаніемъ назначила Амаліи мызу, гдѣ въ послѣдствіи времени она съ Сеобальдомъ провождала пріятнѣйшіе дни въ невинномъ удовольствіи.

По смерти Княгини Князь жилъ еще нѣсколько лѣтъ; но веселіе опъ него опшупило; пришли къ нему болѣзни. Сеобальдъ и жена его, не смопря на то, пребыли поспоянно у него въ милоспи. Не возвышалъ онъ его въ новыя достоиншва; но Сеобальдъ былъ доволенъ своимъ соспоаніемъ.

Наконецъ онъ скончался. Всѣ единомысленно о немъ себодѣзновали; но вмѣспѣ всѣ ушѣшались надеждою, что сынъ его превзой-

дѣтъ и отца благоразумнымъ правленіемъ ; и никто не ошибся. Молодой Князь ввѣрилъ себя и дѣла Феобальду и Шенеману. Перваго сдѣлалъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣшникомъ и вручилъ ему печать Государственную ; послѣдняго назначилъ Генераль-Супер-Интенденшомъ. Безъ нихъ онъ ни на что не рѣшался ; они сославляли совѣшь его ; и Князь и народъ были довольны и счастливы. Князь основалъ особое общество , въ которое никто не былъ принимаемъ безъ почтѣйшаго удостоверенія о неукоризненной жизни и о добрыхъ правилахъ въ Религіи ; самъ былъ главнымъ начальникомъ сего общества ; Феобальдъ и Шенеманъ подъ нимъ управляли. Общество сіе принесло плоды благошворные : у всѣхъ была единая цѣль — усовершеніе самаго себя въ добродѣтели и благо ближняго.

Сію повѣсть свою заключу я краткимъ описаніемъ еще особаго рода мечшателей. Сіе описаніе еще болѣе покажетъ , сколь спасительна спезя средняя между суевѣріемъ и невѣріемъ. Во дни наши нѣтъ ничего пагубнѣе мечшаній ; они служатъ подпорами невѣрію. Здравыя , чистыя , на испинной мудроспи основанныя понятія о Религіи должны быть въ наше время возвѣщаемы каждымъ , кто чув-

спвуетъ къ тому въ душѣ своей силу. Оп-
 кровеніе Божіе людямъ долженъ спвуетъ бытъ
 краеугольнымъ камнемъ такового ученія: пог-
 да суевѣріе и невѣріе исчезнутъ съ лица зем-
 ли, и истина, сомнѣніями непопчаемая,
 явится побѣдительницею.

Новый Князь царствовалъ уже около года,
 какъ нѣкопорый ремесленникъ, по имени
 Шшибіусъ, обратилъ на себя глаза народа. Онъ
 жилъ въ небольшомъ городѣ, опдаленномъ опъ
 сподлицы, и правила такъ называемыхъ Сепар-
 рашисповъ наслѣдовалъ опъ нѣкоего спарца,
 при коемъ находился, Сочиненія Пешерсеновы
 и Берленбургская Библія были его любимое
 чпеніе; впрочемъ онъ былъ человекъ самой
 тихій и честный. Я не могу безъ почпенія
 вспомнить о спарцѣ; онъ былъ избранный
 изъ тысящей; самая дерзкая хула не могла
 къ нему прикоснуться. Молодой Шшибіусъ
 во всемъ образовалъ себя по сему примѣру.

Странный случай былъ съ симъ достой-
 нымъ спарикомъ въ то самое время, какъ
 машъ юноша жилъ у него въ домѣ. Случай
 сей переходилъ влпайнѣ изъ устъ въ уста:
 я весьма любопыщспивалъ знать подлинное
 происшествіе, и спарикъ самъ рассказывалъ
 мнѣ слѣдующее:

„У меня нѣкогда былъ подмасперье N. N. Оба однихъ мыслей и чувствъ, мы жили, какъ братья, и какъ онъ часто немогъ, то я поселилъ его у себя въ домѣ. Со временемъ болѣзни его усилились; я ходилъ за нимъ, какъ за сыномъ; мы не рѣдко при семь разговаривали о будущей жизни. Однажды, какъ онъ уже примѣнно къ концу приближался, я сидѣлъ возлѣ него. Онъ, казалось, живъ былъ одною надеждою, я также исполненъ былъ упованія, и въ семь расположеніи духа сказалъ ему: Я имѣю къ тебѣ просьбу; исполни ее, когда сможешь: явись мнѣ по смерти и извѣспи меня, гдѣ ты будешь и каково вообще на томъ свѣтѣ. — Желаніе швое, опшвѣчалъ онъ, исполнится, еспьли только ты будешь мнѣ возможно.

„Спустия нѣсколько времени сей добрый другъ мой скончался. Я похоронилъ его, и послѣ всякой вечеръ въ шемномѣ спокійно ждалъ, не явится ли онъ мнѣ. — Прошло нѣсколько недѣль, я ничего не видалъ и не слышалъ. Наконецъ пошерялъ всю надежду, перешалъ и думалъ о явленіи. Однажды, спуспя семь или восемь недѣль, я легъ очень поздно и также не мыслилъ ни о чемъ, какъ только объ обыкновенныхъ моихъ болѣзненныхъ припадкахъ, вдругъ я увидѣлъ на спшвѣ нѣ-

которое мерцаніе, смотрѣлъ, наблюдалъ, и примѣшилъ, какъ легкую, бѣлую мглу, человѣческой образъ. Тутъ я вспомнилъ, не по-длинно ли эшо образъ покойнаго моего друга. Не чувствовалъ я при семъ ни малаго страха, и бодримъ голосомъ спросилъ: Ты ли эшо, другъ мой N. N? Точно я! отвѣщивовалъ мнѣ образъ очень ясно. Каково тебѣ, и какъ ты живешь? спросилъ я. Мнѣ весьма спокойно! отвѣчалъ духъ глухимъ однако же голосомъ: но я еще не наслаждаюсь созерцаніемъ Бога, и сіе одно скорбь мнѣ наводишь. Я не былъ еще предъ судомъ. Я нахожусь въ великой, обширнѣйшей спранѣ, гдѣ сумракъ, ни день, ни ночь, и къ востоку свѣтъ загражденъ густымъ облакомъ. Попомъ я просилъ его явиться мнѣ еще со временемъ, ешьли по ему будетъ дозволено и ешьли состояніе его переменится. Онъ исчезъ. Явленіе сіе весьма занимало меня; я опяшь ждалъ нѣсколь-ко недѣль, но ни что не являлось. Опяшь я началъ опчаяваться; но ошибся. Однажды въ десяти часовъ вечера призракъ вновь мнѣ представился на шомъ же мѣстѣ, но совсѣмъ въ иномъ видѣ. Онъ былъ свѣплѣе, но, признавъся, и ужаснѣе. Мнѣ спало грустно; я осмѣлился однакожь спросить его, каково съ нимъ. Грознымъ голосомъ онъ отвѣщивовалъ:

Есцьли бы Богу было угодно, чшобы люди знали соспоянiе будущей жизни, Онъ бы по опскрыль имъ. Довольспвуйся вѣроу, доколѣ узришь лице Его. Въ продолженiе сей рѣчи призракъ принялъ на себя споль спрашный видъ, чшо меня всего облило холоднымъ цомомъ, Вскорѣ не спало его.“

Спарикъ былъ совершенно увѣренъ, чшо онъ все сiе видѣлъ и слышалъ. Я въ такихъ случаяхъ не слѣпо вѣрю, но ничего и не опвергаю, Предспавляя все на судъ каждаго, самъ я не сужу о подобныхъ явленiяхъ. Смѣхъ въ такихъ случаяхъ доказываетъ, чшо смѣющiйся никогда не видалъ важнаго въ глаза. Слѣпое вѣрiе всему шому, чшо видимъ и слышимъ, съ другой спороны показываепъ суевѣрiе. Мудрый идешь всегда по средней спезѣ, и избѣгаетъ крайносшей.

Молодый Шшибiусъ напоенъ былъ всѣми правилами сего спарца, но не имѣлъ его умѣренности. Онъ спарался подражать не его нравамъ, но его мнѣнiямъ: заблужденiе, общее большей часши послѣдователей сего рода. По смерши спарца юноша вступилъ въ бракъ, обзавелся своимъ хозяйспвомъ, и болѣе всего читалъ книги, воспалющiя воображенiе, какъ шо сочиненiя Диппелевы и проч., и не имѣвъ единспвенною цѣлью исправленiя

сердца, но шолько блескъ знаній, онъ скоро доспигъ шой степени, на коей люди и съ большими, нежели онъ, дарованіями содѣлались ерешиками.

Непрерывнымъ чтеніемъ и силою воображенія онъ приобрѣлъ способность говорить очаровашельно; переселялъ своихъ слушателей въ страну мечтаній.

Съ начала его ученіе не заключало въ себѣ ничего порочнаго. Число послѣдователей его увеличивалось. Но скоро все измѣнилось. Онъ училъ, что блаженство есть цѣль бышяя человѣческаго; что блаженство сіе есть наслажденіе, и что пошому всякое наслажденіе дозволено. Каждый мыслящій человекъ легко можетъ сообразить пагубныя слѣдствія столь превратныхъ понятій.

Съ начала все шло порядочно; немногія шолько семейства собирались у Шшибіуса и слушали его поученія. Но скоро возвѣщаемая имъ свобода въ наслажденіи развѣяла далеко во всѣ концы его начала.

Мало по малу обнаруживались опасныя послѣдствія сего пагубнаго ученія. Какъ удовольшвореніе всякаго желанія каждой изъ нихъ считалъ обязанностію, шо наслажденіемъ на счешъ собшвеннаго имущества ни-

что не ограничивался. Ненасыпныя желанія души безпредѣльны. Беспорядки въ народѣ обратили вниманіе начальства. Оно начало изслѣдывать причины сего неуспройства, и открыло, что въ сихъ собраніяхъ происходили различныя безчинства. Приняты были мѣры къ прекращенію оныхъ; но мѣры сіи мало воспользовали, доколѣ нѣкто благородный и опытный мужъ не приобрѣлъ полной довѣренности одного изъ сочленовъ сего общества, не открылъ ему глазъ, не убѣдилъ его въ заблужденіи, не обратилъ паки на добрый путь и не испоргъ ошъ него подробнаго признанія во всѣхъ ихъ шайнахъ. Ужасы, шущъ обнаружившіеся, заставили правительство прествъ распространеніе зла сего. На Особальда и на Шенемана возложено было ошъ Князя изслѣдованіе всего сего дѣла. Средствами крошкими, но дѣятельными, они разсѣяли скопища и спасли многія несчастныя жертвы заблужденій. Поразивъ съ перваго шага всѣхъ страхомъ, они узнали все тайнства. Начальникъ сей секты и первые его сообщники наказаны были заключеніемъ на нѣкоторое время въ смиренныя дома.

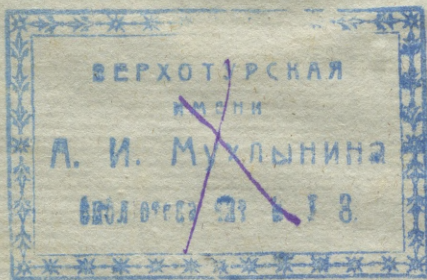
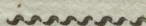
Такимъ образомъ сіе ужасное общество разсѣяно при самомъ, такъ сказать, его рожденіи. Не смотря на то, и недавно еще

возникли въ нѣкоемъ мѣстѣ опрасли сего же смерпоноснаго древа. Смерпъ ихъ поспѣла. Образъ мыслей и дѣла сихъ людей было смѣшеніе фанапизма, буйспва, хищничеспва, смерпоубійспва и безчинспвъ всякаго рода. Еспъ болѣзни душевныя, равно какъ и болѣзни тѣлесныя.

Предположивъ цѣлію сей моей повѣспи насшавленіе, сколь горкіе плоды могутъ произраспашъ опъ мечпаній, опъ невѣрія и суевѣрія, симъ я заключаю сіе сочиненіе, желая опъ всего сердца, дабы друзья Хриспійанской Религій, пламеннымъ рвеніемъ одушевляемые, вняли споль спрашнымъ примѣрамъ, и не спремались ни къ чему въ глазахъ міра опъ личному, не искали бы ничего блиспашельнаго, но внпшинѣ и смиреніи работали бы Господеви съ препешомъ, воздѣлывая свое сердце и благу ближнихъ споспѣшеспвужа. Всѣ способны къ сему во всѣхъ исповѣданіяхъ. Гордоспъ сполько можетъ внушпшь намѣреніе быпшь основашелемъ секпы; сей духъ легко можетъ крыпшься подъ личиною благочеспія. Еспшли Богъ спредопредѣлилъ спо или иное спреобразованіе; къ соверпенію его самъ Онъ все спредугошопвпшь, самъ сповдвпгнешъ орудія своей воли, самъ споведешъ ихъ по спезѣ пра-

вой. Блаженъ, спокрашно блаженъ шопъ, кто
исполняешъ волю Господню, не обгоняешъ ее,
но и не коснишь на своемъ поприщѣ! Сила
его возрастетъ въ древо жизни! Онъ увидешъ
во врага Града Великаго Царя, увидешъ и
изыдесть!

К О Н Е Ц Ъ.

Особы, подписавшіяся на сію книгу.

Въ Москвѣ.

- Его Сіашельство Князь Николай Федоровичъ Голицынъ.
Его Сіашельство Князь Александръ Александровичъ Волконской.
Его Превосходительство Дмишрій Васильевичъ Измайловъ.

Ихъ Высокоблагородіа.

- Алексѣй Ивановичъ Трескинъ.
Петръ Александровичъ Курбатовъ.
Діомидъ Аншиповичъ Соколовъ.
Иванъ Федоровичъ Ключаревъ.
Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ.
Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ.
Николай Андреевичъ Бекетовъ.
Его Благородіе Петръ Александровичъ Лапшиновъ.
Починатель Сочинителя и Переводчика Тоски по Опчизнѣ.

Купцы.

- Алексѣй Ивановичъ Ивановъ.
Ефимъ Сидоровичъ Чижевъ.
Яковъ Семеновичъ Локшевъ.
Евсей Исаевичъ Козьминъ.
Василій Григорьевичъ Кошельниковъ.
Осипъ Леоньевичъ Свѣшниковъ.
Афанасій Григорьевичъ Колошилинь.
Василій Александровичъ Душинъ.
Алексѣй Васильевичъ Базуновъ.
Василій Савичъ Горбуновъ.
П. Кошельниковъ.

Въ С. Петербургѣ.

- Его Превосходительство Александръ Федоровичъ Лабзинъ.
Его Высокоблагородіе Григорій Михайловичъ Поповъ.
Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ.

Въ Трубчевскѣ.

Пресвященнѣйшій Епископъ Досифей.

Въ Вяткѣ.

Г. Спачскій Совѣтникъ и Кавалеръ Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.

Его Благородіе Иванъ Яковлевичъ Жмакинъ.

Въ Казани.

Коллежскій Совѣтникъ Савва Андреевичъ Москотильниковъ.

Въ Пензѣ.

Его Превосходительство Никифоръ Михайловичъ Заварицкій.

Тишунарный Совѣтникъ Николай Александровичъ Радищевъ.

Машвѣй Вонифашьевичъ Кирьяковъ.

Въ Владимірѣ.

Его Высокоблагородіе Дмитрій Ивановичъ Дмитревскій.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Гавріилъ.

Въ Костромѣ.

Г. Вице-Губернаторъ Степанъ Мироновичъ Ушаковъ.
Протоіерей Іаковъ Арсеньевичъ Арсеньевъ.

Въ Галичѣ.

Василій Васильевичъ Зиновьевъ.

Въ Екатеринодарѣ.

Дмитрій Ивановичъ Самойловъ.

Въ Екатеринославлѣ.

Его Высокоблагородіе Викторъ Пепровичъ Папчинскій.

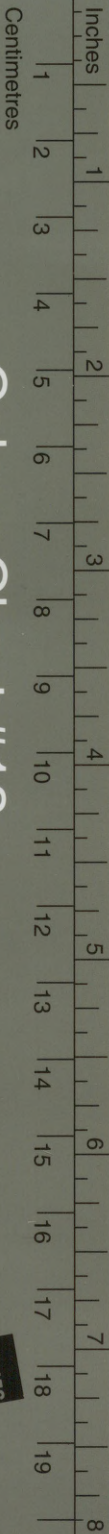
Въ Петровскѣ.

Его Благородіе Степанъ Яковлевичъ Жмакинъ.

Въ Орлѣ.

Его Превосходительство Дмитрій Лукьяновичъ Боборыкинъ.

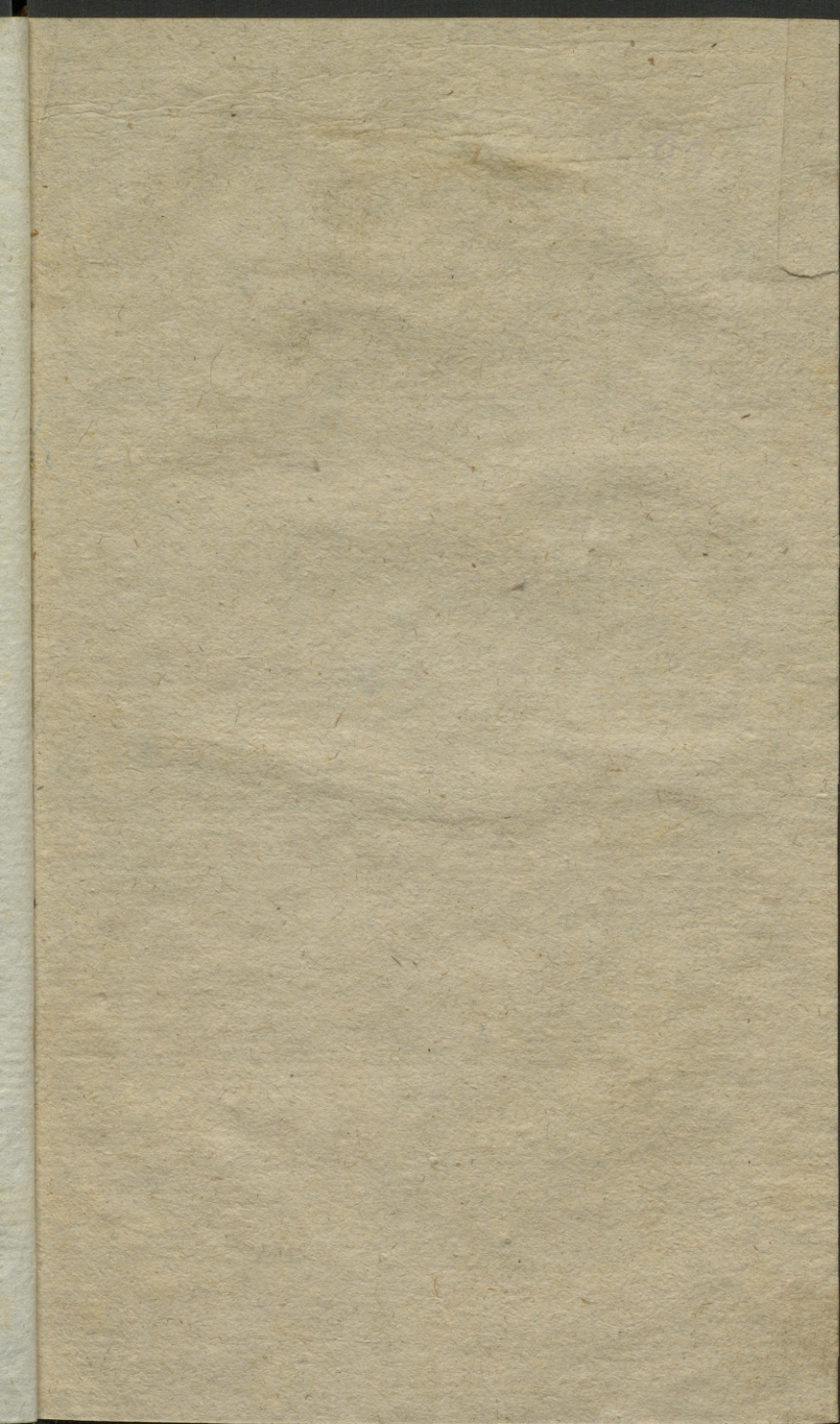

Colour Chart #13

Въ Т
Пресвященнѣйшій Епи
Въ
Г. Спашскій Совѣшн
Яковлевичъ Жмак
Его Благородіе Иванъ
Въ
Коллежскій Совѣшник
пильниковъ.
Въ
Его Превосходительстве
варицкій.
Тишупарный Совѣшник
Радищевъ.
Машвѣй Вонифашевичъ
Въ Вл
Его Высокоблагородіе
скій.
Въ Нижне
Ректоръ Семинаріи Арх
Въ Н
Г. Вице-Губернаторъ С
Протоіерей Іаковъ Арсе
Въ
Василій Васильевичъ Зи
Въ Екат
Дмитрій Ивановичъ Сам
Въ Екат
Его Высокоблагородіе
скій.
Въ Пе
Его Благородіе Степанъ
Въ
Его Превосходительстве
борькинъ.

Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

DD-15

~~Handwritten text, possibly "of" and "32", with a large brown stain above it.~~

